

Секта

Василий Озеров

Том первый.

ОСКОЛКИ

Анна

Секта

Василий Озеров

Секта Анти Секта.
Том первый. Осколки

«Издательские решения»

Озеров В. Н.

Секта Анти Секта. Том первый. Осколки / В. Н. Озеров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901004-9

Молодой учёный Вилор Зимин добровольцем уходит на фронт сразу после мединститута и работает в полевом госпитале, где он открывает новые препараты для борьбы с травмами и ранениями. В наступившей вскоре мирной жизни происходят события, которые вынуждают задуматься о себе: нерушимая любовь даёт трещину, а сам он оказывается в на Лубянке, в лаборатории МГБ, где заставляют работать над «пилюлей бессмертия». В камере героя начинают преследовать видения прошлого. Трилогия об алхимии материи и души.

ISBN 978-5-44-901004-9

© Озеров В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Секта Анти Секта Том первый. Осколки

Василий Николаевич Озеров

*Гоголю Николаю Васильевичу
посвящается этот роман.*

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Василий Николаевич Озеров, 2018

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-1004-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Стоять здесь, у машины; надо подождать, – худощавый и очень высокий охранник был в паре с каким то безликим коротконогим коллегой. Они подвели Зимина к чёрной, и, видимо, не так давно вымытой «Эмке», застыв от него в полуметре, впрочем, не сводя с последнего глаз.

«Ну и зря беспокоятся», – промелькнула быстрая и резкая мысль. Ему и в голову не приходило куда то там бежать. Ведь бежать было бесполезно, не нужно, и, к тому же, бессмысленно.

Охранники стояли с нарочито скучающими лицами, однако он сам, как мастер наблюдения, видел, что его «держат на мушке».

Тягуче медленно тянулось время, иногда ему казалось, что оно остановилось навсегда, застыло, как кадр на киноплёнке, внезапно затормозившийся в своём постоянном и безудержном мелькании.

Толстый коротконогий гэбист наигранно потряхивал чёрной, и, такой же тупой с обоих концов, как, впрочем, и он сам, дубинкой, и делал вид, что ему невыносимо скучно. Возможно, так оно и было на самом деле, ведь рутина создаёт скуку. Стоять с палкой охранника, помахивая ею, как прожжённый таксист ключами автомобиля, было его работой.

Наконец из подъезда дома выскочили ещё трое чекистов во главе с седоусым майором, который, бросив короткое: «Домой!», уселся на пассажирское место рядом с водителем, а Вилора Зимина охранявшие его затолкали в середину заднего сиденья, зажав его своими «прошипованными» насквозь телами с обеих сторон. Остальные шустро попрыгали в стоящее рядом другое авто.

– Позвольте узнать, далеко мы направляемся, и что всё это значит?, – спокойным голосом, но зная, что совершенно напрасно, полюбопытствовал Зимин.

– Как это «куда», уважаемый профессор, – полуобернулся к нему влево и назад седоусый, – сам должен понимать, куда, после этих обысков в ваших апартаментах.

На Лубянку, конечно, же, куда же ещё, просто вам, как профессору и учёному говорю. Вы белая косточка советской науки, если можно так выразиться, поэтому и заслуживаете моё внимание. Вы обо всём узнаете, вам будет предъявлено официальное обвинение. При обыске вы настаивали о встрече с Грозовым или Берией.

Эк, куда хватили, уважаемый. Одних уж нет, а те далече...

Лаврентий Павлович сейчас занят работой с вашими коллегами, – врачами-наоборот, то есть, отравителями. Поэтому Вам полезно будет посидеть в камере, быть может вспомните на досуге, куда всё же пропала «Белая тетрадь»?

– Не понимаю. О чём Вы, товарищ майор, я давно...

– Теперь я для Вас гражданин майор, – повторяю, обвинение в измене Родине Вам предъявят по прибытию на место. И всё Вы, Зимин, прекрасно понимаете, не надо корчить из себя невинную овечку. Мы эту шкурку с Вас быстро снимем. Вы давали подписку о неразглашении государственной тайны?

– Да, давал, Вам же отлично известно, что я работал в закрытом институте. Так что пока я говорить ничего не обязан, моей вины нет ни в чём, *гражданин* майор. Вилор теперь подчеркнул слово «гражданин», сделав на нём едва уловимый акцент.

Машина начала резко петлять в узких улочках столицы, и, наконец, после десятка таких поворотов, остановилась у старинного двухэтажного особняка, где то вблизи от памятника зловещему рыцарю революции пролетариата, как понял тогда Вилор, уже неплохо ориентировавшийся в центре города.

Все выскользнули из машин и прошли внутрь здания через единственную деревянную, чёрную, как дёготь, дверь, снаружи которой прохаживался одинокий милиционер, делая вид, что охраняет захудалое посольство какого-нибудь Зимбабве.

«Задержанного, – в стакан!», отдал команду «Седоус», как прозвал его про себя сам задержанный. Через площадку лестничной клетки Вилора повели куда то вниз, по-видимому, в подвал. Внизу по длинному и тусклому коридору прогуливался ещё один охранник.

«Этого в стакан», – тот быстро обыскал Вилора, не найдя решительно ничего, затолкал его в маленькую камеру, где можно было только стоять. Размер «стакана» был примерно метр на метр, сидеть было негде, разве что на бетонном полу.

Только в этот момент до Вилора дошло, что им занялись серьёзно и влип он по-крупному, хотя и не смог бы обвинить себя ни в чём. Это его запоздалое прозрение совпало с грохотом двери, захлопнувшейся за ним сзади. Свет исчез сразу, окна не было, тьма окружила его. Вновь, как и у подъезда его дома, потянулось это медленное, ржавое и такое древнее время...

«Пришли они в конце летней ночи, несколько часов обыска в обоих квартирах, ожидание, дорога, уже наверно почти полдень», – подвёл итог произошедшему сегодня Вилор.

Стояла тишина, тьма растворялась в этой тишине, которая лишь иногда нарушалась извне неторопливыми шагами часового, которые то совсем стихали, то возникали вновь.

«Итак, они что то пронюхали про тетрадь и не могут её нигде отыскать, вот почему я здесь»: всё закономерно и удивляться не стоит, – подумал Зимин и от самой этой мысли к нему вернулось его обычное спокойствие и рассудительность. Время шло...

...Неожиданно раздался скрежет открываемого замка, дверь в стакан распахнулась, и напротив нового узника оказался молодой безусый узколицый конвоир.

– Руки за спину, выходи!

Вилор повиновался, вышел из камеры и пошёл по коридору к лестнице.

В небольшом спартанском кабинете, прямо под портретом «железного» Феликса, сидел его новый знакомый – майор Седоус.

«Присаживайтесь, Зимин,» – кивнул он на привинченный к полу железный табурет.

Вилор сел и только теперь смог отчётливо разглядеть того, кто окончательно нарушил его совсем недавнюю спокойную, и, казалось, очень размеренную жизнь. Слегка полноватый, большеликий, с лёгким двойным подбородком, неуклюже маленьким носом, как будто откуда то случайно взятым и пришпиленным во временное пользование, узкими полузакрытыми, но жёсткими глазами и короткими седыми усиками а-ля «ворошиловский стрелок». Седоус также молча разглядывал Вилора.

– Фамилия?

– Так Вам же она известна, – искренне удивился задержанный.

– Здесь вопросы задаю я, – жёстко, но с еле уловимой иронией в голосе произнёс дознаватель,

– А Вы, гражданин, отвечаете. Итак, фамилия?

– Зимин.

– Имя?

– Вилор.

– Год рождения?

– 1924...

И так далее, этот майор неторопливо, тщательно, но довольно скоро записывал его анкетные данные.

– Где сейчас работаете?

– В отделении разгрузочной терапии клиники доктора Николаевского. Устроился месяц назад.

«После разгрома вами Конторы», так и хотелось сказать Зимину, но он прикусил язык, памятуя, где находится.

Потом шёл длинный ряд анкетно-биографических подробностей, вплоть до родословной, где выяснилось, что задержанный далеко не пролетарского происхождения. Впрочем, Седоус

на этом не стал заострять внимания, наверно потому, что он и сам был, скорее всего, не из крестьян.

Наконец следователь прекратил задавать вопросы не по делу, и вновь, словно библейски змей, вперил свой немигающий взор в подследственного:

– С формальностями покончено, Зимин. Перейдём к делу. Где и у кого в настоящее время находится «Белая тетрадь?».

– Я не понимаю, о какой такой тетради идёт речь, гражданин майор.

– Сейчас ты быстро у меня всё поймёшь!, – майор неожиданно перешёл на ты, но лишь на миг. Вам, как изменнику Родины, грозит смертная казнь. Подписка о неразглашении государственной тайны, вот она, у меня: Седоус придвинул Зимину расписку о неразглашении шестилетней давности, при поступлении на работу в Контору Шефа.

Но он молчал.

– Этого мало? Ну что ж, тогда вот что....

Раздалась приглушённая трель звонка, в проёме двери возник конвоир.

– Хохлякова сюда!

– Есть!

Майор вновь перевёл взгляд на арестованного.

– А вот одного Хохлякова Вы изволите знать?

– Если это завсектором статистики нашего института, то да, я знаю его.

Вновь щёлкнул замок входной двери, в проёме которой появился конвоир, и, получив одобрительный кивок начальника, повернувшись вполоборота, протянул в кабинет страшную, в засохшей крови на лице, фигуру. Одет вошедший был в грязного цвета свитер, заляпанный бурыми пятнами.

– Вот он тоже вначале ничего не знал и не помнил в своей статистической работе, как и Вы, Зимин.

Но вскоре... стал вспоминать всё что угодно, даже то, чего никогда не было, – майор указал глазами в сторону сгорбленной приведённой фигуры, – и сейчас у него с памятью всё хорошо, да Хохляков?

Вот, к примеру, вы знаете этого человека?, – майор кивнул в сторону Вилора.

Вошедший что-то прохрипел нечленораздельное, похожее на хриплое аааа...

– А Вам, Зимин, известен этот человек? —

Вилор отнюдь не отличался слабыми нервами, однако он внутренне весь содрогнулся, глядя на Юрия, вернее, на то, что от него осталось.

– Да, это завсектором Института Хохляков Юрий. Но Бог мой, что же Вы с ним сделали то?

– Ничего особенного, просто мой коллега слегка перестарался для восстановления его памяти, зато Хохляков стал очень разговорчивым. Этот Ваш приятель по рыбной ловле скоро предстанет перед судом, как и вся ваша компания.

Какой же он врач, ведь помогал изготавливать яды для уничтожения людей, вместо того, чтобы продлять им жизнь, – тут Седоус улыбнулся ехидной улыбочкой, которую в будущем Зимин ещё не раз отметит на его внешне почти каменном выражении лица.

А про Вас Зимин, мы подзабыли как то.

Вы, как серая мышь проскользнули мимо ока безопасности, – с деланным пафосом проговорил следователь и добавил ещё:

– Но ничего, мы вам тоже восстановим память, сделаем это не спеша. Но могу лишь порадовать Вас, что вы *пока* не нужны суду.

Суду нужны такие, как Хохляков и прочие статисты. А Вы нужны товарищу Берия, и нужны ещё пока Родине. Пусть вас не смущает то, что я вам говорю, потом поймёте. Пока же всего лишь советую покрепче нажать на кнопки своей памяти.

Тут этот деловой майор закончил свой назидательный монолог и перевёл глаза на Юрия:

– Хохляков, у кого в Институте хранилась «Белая тетрадь?»

Тот с трудом расширил залипшие от синяков и крови глаза:

– У самого Шефа, в сейфе.

– Кто, кроме Шефа, имел доступ к ней?

– Громов, его первый зам, и вот он, Зимин, наверно, больше никто, насколько я знаю.

– Слышали, Зимин?!

Заканчивайте играть в примитивную несознанку и корчить из себя идиота или патриота. Существование тетради доказано, осталось лишь выяснить, где она находится сейчас.

Майор вновь сделал небольшую паузу, и вновь продолжил, глядя на стоящий перед ним полутруп:

– Хохляков, Зимин мог пользоваться Белой тетрадью сам, выносить её из кабинета директора, забирать домой?.

– Я не знаю этого. Я могу сказать лишь, что почти всегда после летучек и планёрок Громов оставался у Шефа в кабинете. Иногда к ним присоединялся и Зимин. Спросите его самого, или Громова.

Наступила пауза...

«Ещё один умник, хотя уж должен, казалось бы, перестать умничать, а всё туда же», – пронеслось в голове гэбешника, – «если б этот чёртов Громов не исчез, я уверен, тетрадь давно бы была у меня на столе...»

Седоус недовольно посмотрел на обоих, раздался звонок и конвоир увёл Хохлякова.

– Итак, Зимин, скажите мне, чёрт вас дерит, где сейчас может быть «Белая тетрадь?», – вновь повторил майор свой вопрос,

– Поверьте мне, я не попугай, и не дятел, чтобы долбить одно и то же, хоть и приходится, делать это на моей работе!

Я приму все известные и неизвестные Вам меры, чтобы Вы заговорили, время у меня пока есть. Да время просто есть и всегда есть, оно никуда не исчезает. Те люди, которым не хватает времени, просто идиоты.

Мне хватит времени для того, чтобы сделать вас более разговорчивым. Вы меня понимаете?

В наступившей тишине повисла пауза, которую вновь нарушил Седоус:

– Лично Вы не пойдёте по «делу врачей» или других вредителей, как ваш Шеф или этот статист Хохляков. Пусть статисты и идут под суд, – майор зловеще ухмыльнулся, продолжая, – Хозяин давно уже разочаровался в Шефе и в его конторе, иначе бы Вы тут не сидели.

Послушайте меня внимательно, Зимин: я даю вам сутки на обдумывание: я от Вас ничего не скрываю. Почти не скрываю, – вы будете нам нужны. Но если будете упорствовать, как в начале допроса, придётся передать Вас нашим костоломам, тогда вы станете просто отработанным материалом, типа только что вышедшего отсюда.

А после них все, поймите меня, все становятся разговорчивыми, и плетут всякую ересь, всё что угодно. Однако мне не нужно, чтобы вы плели ересь, как все прочие, мне нужно, чтобы Вы говорили правду. И по своей воле, иначе наше сотрудничество будет проблематично. Итак, до завтра.

Вновь зазвенел звонок, Зимина повели в камеру. Дорогой он начал считать шаги. Вели его явно не обратно в стакан. Наконец они подошли к какой-то двери и Вилор оказался в довольно просторной комнате с окном-фрамугой сверху и решёткой за ним. Комната эта была, однако, совсем не тюремной камерой в обычном смысле..

Кровать была не железной, а сделана из какого-то тяжёлого тёмного дерева, заправленная белым покрывалом с возвышающимися тремя подушками в накрахмаленных наволочках. Чуть поодаль стояла такая же точно кровать, абсолютный двойник первой.

Между кроватями находился массивный дубовый стол с двумя стульями. На столе лежала стопка писчей бумаги, перо, стояла чернильница. Рядом с дверью стоял платяной шкаф. Однако вся мебель была жёстко присоединена к полу специальными кронштейнами.

Всё ж это была камера, хоть и неожиданно комфортная. Вилор был потрясён; он всего ожидал, но только не этого. Он думал дорогой, что окажется в камере с жадными клопами, перемешанными со стукачами, а то и кем похуже.

В недоумённом расколоте состоянии сознания он прилёг на кровать, скинув штиблеты на чистую плитку пола комнаты..

Его мозг стал постепенно цепенеть и проваливаться в пустоту. Потом была какая то яркая вспышка и наступило забвение.

Зимин провалился в самый глубокий сон без сновидений. Его окутало полное небытие. Мир был наконец то остановлен в своём изнурительном беге и отстал от него в своей торопливой назойливости.

Часть первая

*Мы имеем не знания, а варианты их
Неизвестный.*

Ласковое майское солнышко пригревало стылую землю неназойливо и не знойно, как в апогее лета, а приятно и жизнеутверждающе, как только это бывает в самом разгаре весны. В воздухе стояла смесь пряного аромата сирени, жимолости и особенно жасмина, чей сладковато-терпкий запах всегда нравился Зимину, как и его белоснежно белые и девственно искренние цветки, сквозь которые несущие их зелёные веточки лишь слегка проглядывали.

Вилор шёл по асфальтированному тротуару мимо одиноких и скучных пятиэтажек, вновь погрузившись в свои рабочие грёзы. Дело, которое он задумал, несомненно, должно принести ему успех и, к тому же, неплохие дивиденды. Собственно, и делать уже почти ничего не надо было. Осталось лишь связать все рассыпанные осколки его многолетней работы в мозаику.

Только, связать так, чтобы всё сложилось в достаточно *предсказуемую* мозаику... Ведь непредсказуемость результата в его деле должна сводиться к минимуму.

Однако в его последней идее всё же чего то не хватало, какого то важного, всё замыкающего звена. Иначе он уж давно бы пошёл к Звягину, и, как обычно, заразил бы его своей молодой напористостью и уверенностью в успехе.

Этой новой идее в буквальном смысле не хватало только связки. Связки похожих и непохожих компонентов в одно целое...

Как то совершенно неожиданно потемнело вокруг. Он взглянул вверх на небо, которое в минуты этих его раздумий оказалось затянутым тучами, толстыми, но быстрыми, среди которых выделялось самое крупное и тёмное, похожее на распластанную шкуру чёрного гималайского медведя.

Ветра, как не странно, не наблюдалось, как вдруг первые капли дождя начали выбивать пыль из той поверхности земли, где не было вездесущего асфальта, а на самом тротуаре оставляли крупные водяные слёзы. Дождь усилился, гроыхнул гром, а через несколько секунд уже начался настоящий ливень, шум падения воды которого не могли переспорить даже проезжавшие по улице редкие автомобили

Зимин стоял под навесом пустынной автобусной остановки, и, наблюдал за дождём, вмиг ставшим мощным ливнем, не собиравшемся, слишком скоро заканчиваться.

Теперь вдруг поднялся и ветер, нося потоки падающей воды туда и сюда, одаривая ими одиноких беспечных прохожих, снующих по своим неотложным делам.

Вилору вдруг стало радостно от происходящего, от свежего воздуха, от весёлых брызг дождя. Мысли о работе оставили его, он стал наблюдать за разворачивающимся перед ним действием природы.

Этот тусклый обычный городок, где он сейчас находился, слегка начал забывать весну, покрылся пылью наступающего лета, но этот дождь внёс пробуждение в его обыденный сон.

Гром прогрехотал ещё несколько раз, ливень постепенно стал сдаваться, однако тучи не рассеялись, как это бывает при коротких майских грозовых ливнях.

Зимин посмотрел на куст жасмина, росший позади остановки. Было видно, что он недавно расцвёл, и поэтому дождь своими крупными каплями был не в силах нанести его белым весёлым цветкам никакого вреда.

В то далёкое время Вилор был ещё очень молод, и он смутно представлял себе, что может быть когда либо старым, и вообще, что такое старость, нет, даже не старость, а зрелость, то есть состояние пожилого человека или человека, уже утомлённого жизнью.

Он видел, очень много стариков и старух, то ещё внешне бодреньких, а то уже еле ковыляющих по тропам жизни, тротуарам городов и пыли недавно отгремевшей войны. Но вот сам он не чувствовал изнутри себя: каково это быть старым: ведь молодости это абсолютно несвойственно, для неё это пока просто воображаемая теория, которая на практике смотрит на тебя лишь чуждыми глазами стариков.

...Вновь выглянуло солнышко, сначала очень робко, чередуя свои тёплые и яркие выцветы с серой мозглотой уходящих на восток туч. Вилор медленно побрёл прочь от остановки.

До отхода поезда было ещё часа три, и ему очень не хотелось возвращаться в прокуренную постояльцами комнату замызанной районной гостиницы, где пришлось ночевать всего лишь одну ночь...

* * *

Отец Вилора, Борис Евгеньевич Зимин приветствовал Октябрьский переворот, несмотря на хорошее знание истории вообще, и древнего Египта, в частности, так как его направление в науке заключалось в изучении археологии Среднего Востока и, отчасти, египтологии.

Он хорошо знал об обычном парадоксе древних революций, когда угнетаемые сами становились угнетателями в случае успеха любого переворота: левого, правого, верхнего, нижнего или смешанного. Как иногда он говорил своей жене, да и просто в узком кругу друзей, в этом контексте «происходила лишь игра теней».

Но он также знал, что история обществ есть процесс, а процессы на то и процессы, чтобы быть и происходить, чтобы эти самые общества не могли загнивать и застаиваться, и они, процессы должны всегда приносить что-то новое. Ну, на худой конец, хотя бы представляться чем то новым, даже и для учёных мужей.

Поэтому, когда умер первый вождь, – Ленин, заваривший со сподвижниками всю революционную кашу в России, то Зимин-старший назвал родившегося в том же году сына в его честь, как тогда и было модно не только в народе, но и в среде новой, советской интеллигенции, к которой он причислял себя лишь отчасти.

– Владимир Ильич Ленин – Революция, то есть – Вилор, чудо, да мать, – говорил он своей жене Светлане, – с таким именем он далеко пойдёт. И в жизни и в науке, так что у нашего сына застоя не произойдёт – профессором будет обязательно, вот увидишь. Ввиду своих занятий египтологией, шумеризмом и прочими реликтами, Борис Евгеньевич имел слегка мистическое мировоззрение и верил, что имена и названия много чего значат в жизни человека, и даже, в какой то мере могут определять его судьбу.

* * *

Вилор на мгновение прервал свои воспоминания, потому что внезапно заметил, что вдруг оказался в небольшом зелёном скверике с рядом пустых и свежеекрашенных скамеек. Потрогав пальцами ближайшую из них, светлого жёлтого цвета, и, убедившись, что краска давно высохла, он присел на неё, расслабился, и, слегка как бы задремав, вновь погрузился в то состояние, когда в его уме сами собой начали возникать картинки начала его чудесной и славной жизни. Так он думал тогда, так был уверен в этом и теперь, несмотря на войну и лишения собственной жизни.

* * *

Их семья занимала три комнаты большой коммунальной квартиры, причём одна из них представляла собой симбиоз кабинета и склада отца Вилора – Бориса Евгеньевича, учёного историка, египтолога и сакрального археолога, одного из лучших учеников самого профессора Туреева.

Этот профессор Туреев был до Октябрьского переворота общепризнанным мировым авторитетом в области древней египтологии и шумероведения. Профессор, впрочем, Октябрьский переворот не принял и долго его не пережил: этот, по его выражению, «подстроенный бунт черни, спровоцированный масонскими кругами», названный позже революцией в собственной стране он считал катастрофой.

В отличие от своего учителя, Зимин старший, наоборот, приветствовал падение застарелого и «гнилого» самодержавия, установление Временной республики и даже Советской власти.

Хотя будучи историком, как уже упоминалось, не мог не понимать, что любая революция рано или поздно заканчивается стагнацией и реставрацией в том или ином виде, как это было более ста лет во Франции или 3750 лет назад в его любимом обожаемом Египте. Он знал, что любая революция пожирает своих героев или хотя бы некоторую часть их. Знать то знал, но никак не применял к своей собственной жизни, поэтому впоследствии поплатился за свою безопасность...

Борис Евгеньевич часто бывал в разъездах и длительных командировках, и когда его не было дома, его комната-кабинет была всегда закрыта на замок, даже мама без отца не заходила в неё.

Но зато, когда он приезжал и бывал дома, она всегда была открыта, отец сидел в ней и работал. И эти дни были самыми радостными для Вилора и его старшего брата, Ивана.

Отец был крупный, могучий человек почти двухметрового роста, он сгребал обеих сыновей своими громадными лапищами, заносил их в свой кабинет и усаживал за большой, вырезанный из натурального дуба, письменный стол, обитый зелёным сукном. Сам он садился в эти моменты не за кресло, стоящее в центре стола, а подсаживался поближе к детям на высокий табурет, похожий на тумбу.

Борис Евгеньевич доставал с книжного шкафа огромные фолианты один за одним, с многочисленными иллюстрациями в виде гравюр, рисунков, картин и разнообразных зарисовок. Вилор с братом видели на этих изображениях битвы, морские сражения, различных королей, князей и всевозможных святых людей...

Немногим позже, взрослея, Вилор воображал себя то странствующим рыцарем прошлого, то поэтом, то алхимиком, так он входил в реальность этих картин и забывал себя.

Чуть позже Зимин старший начал давать им сначала для просмотра, а вскоре и для обучения ещё и дореволюционную азбуку, не испорченную нововведениями реформаторов от пролетарской революции.

По мере взросления детей он показывал им географические атласы, глобус, место России, а теперь уже Советского Союза, на Земном шаре. Так он вводил своих отпрысков во всё расширяющийся для их растущих и познающих мозгов, внешний мир. Этот мир, что он сулил маленькому мальчику, что обещает он каждому из нас?

В результате всего этого, когда целенаправленного, а когда спонтанного обучения, по ночам маленькому Вилору начали сниться дальние страны, горы, моря и океаны, путешествия и встречи с людоедами и странствующими рыцарями, пиратами и искателями сокровищ. А иногда он воображал себя то непримиримым Дон Кихотом в его борьбе за непонятную пока

для него чудную любовь, либо с ветряными мельницами, то отважным Квентин Дорвардом, стоящим насмерть за честь прекрасной дамы...

Было где разгуляться формиравшемуся интеллекту мальчика: две стены кабинета отца были до самого потолка уставлены книгами; свою лепту в формировании мировоззрения растущих детей вносила и мать. Бывало и так, что отец вставал, прохаживался вдоль стеллажей с книгами, и вдруг доставал какой-то новый, неизвестный им ещё том, клал на стол перед ребятами, показывал им иллюстрации, а сам рассказывал, для чего и почему они появились здесь, в этой книге.

Эти моменты наедине с отцом, его старания привить страсть к познанию и чтению, Вилор запомнил на всю свою долгую жизнь, как и почти все те вещи, о которых рассказывал или показывал его отец...

Как то Борис Евгеньевич достал старый большой фолиант с красивыми рисунками, изображающими пирамиды. Пирамиды были разные, большие и маленькие, ступенчатые и гладкие.

Среди них были и небольшие скошенные пирамиды со ступенями.

– Это так называемые мавзолеи, в которых хоронили древних царей, которых называли в Египте фараонами, – сказал отец.

В то далёкое время старший брат Вилора Иван уже пошёл в первый класс школы и был со стороны окружающего его общества идеологически подкован, поэтому и спросил:

– Как у Ленина?

– Да нет, сын, это у Ленина теперь такой мавзолеей, как у тех древних царей, – ответил Борис Евгеньевич, вызывая озадаченность у советского школьника:

– Папа, а как же так, наша революция царя свергла, а Ленина похоронили как древнего царя, в мавзолее?

– Ваня, его похоронили не как царя, а как вождя трудового народа, который отдал за его освобождение всю свою жизнь.

Но по лицу Ванюшки было видно, что ответ отца его не удовлетворил.

Маленького Вилора же в тот момент занимало нечто другое. Ему было совершенно ни до царей, троцких и лениных, прочих самозванных и якобы, общепризнанных, но не вполне легитимных, вождей. Его возраст был ещё не тот, чтобы разбираться в перипетиях политики. У него пока имелась другая привычка. Он просто любил считать, так как только недавно научился этому делу. Маленький Вилор считал всё подряд, куда только не падал его взгляд.

Ложки и вилки с тарелками на столе, число стаканов и тараканов, особенно ему нравилось считать число этажей зданий, как только выходил на улицу. Он считал, сколько встретил прохожих на пути в детский сад через дорогу, сколько минут осталось до обеда и сколько бантиков завязано на головах девочек в этом садике.

И здесь, на рисунках этих древних мавзолеев он считал их ступени или этажи, как про себя он их называл. И вдруг маленький мальчик понял, что ступеней всегда было почти одинаковое число на всех показанных отцом изображениях. Их было четыре, пять или шесть соответственно.

И тут его «почемучки» атаковали отца с научной бескомпромиссностью истинного исследователя:

– Папа, почему же у всех этих мавзолеев всегда 4,5 или 6 ступеней?

Впрочем, последних рисунков зиккуратов с шестью ступенями было всего два, а также изредка встречались и трёхступенчатые мавзолеи.

Борис Евгеньевич от неожиданности вопроса просто пересел с высокого табурета в кресло, наверно для того, чтоб не упасть с высоты тумбы. Если Ванюшин вопрос его удивил, то Вилора просто поразил до глубины души.

И он решил сказать своим сыновьям правду, вернее лёгкую полуправду, которую те властители былых времён, как, впрочем, и времён текущих, приуготавливали для своих горячо ими любимых подданных.

История вообще наука туманная, если её вообще считать за науку. Как говаривал ещё наш любимый Пушкин Александр Сергеевич, например, в России всегда есть три истории: «Одна для гостиницы, другая для гостиного двора, а третья для гостиной». В других государствах, видимо дело обстоит не лучшим образом, впрочем «каждый суслик в своём поле агроном»...

Зимин старший понимал это выражение великого поэта.

Поэтому он и сказал растущему отроку:

– Виль, ты наверно заметил, что чем более, выше мавзолеей, тем у него и ступеней больше. Тут всё зависело от заслуг древнего царя или вождя.

В древнем Египте для фараонов делали целые пирамиды, и без всяких ступеней, а мавзолеи – в Шумере, Вавилоне, в Икстлане, в других древних странах. Самым великим царям сооружали даже девятиступечатые мавзолеи, но у меня нет таких фотографий..

Тут в разговор вновь вклинился Ванюша, у которого мавзолеей на Красной площади всё не выходил из головы:

– Надо поехать посчитать, сколько всего ступеней у мавзолея Ленина!

– Не надо куда ехать, и не надо ничего считать, отвечал отец.

– Я вам и так всё расскажу. Ступеней у мавзолея Ленина всего пять, если считать и последнюю.

– Да? Немного. Значит наш вождь не такой уж и великий, если у какого то царя в древности было аж целых девять ступеней в пирамиде!

На этот убойный аргумент Ванюши, Евгений Борисович просто и не знал, что ответить, он лишь вновь промямлил, что, мол, Ленин не царь.

Тяга к знаниям у Вилора была, очевидно, генетическая. Друзей в школе, когда он пошёл туда, так и не нашёл, предпочитая проводить время в разговорах с матерью, либо отцом, и в общении с книгами уже теперь доступного ему кабинета Бориса Евгеньевича.

Знания. Он хотел лишь одного, – знания. Больше знания – вот чего он желал всей своей душой, когда был ребёнком, да и всю свою последующую жизнь. Сам не зная почему и отчего, не задумываясь об этом, он и впитывал эти знания, как губка, от близких ему людей, а это были его мать и отец, и, конечно же из книг.

Главным учителем в раннем детстве, был, конечно же, отец. Когда Вилор был дома, стоило только раздаться звонку в передней, как он стремглав выскакивал туда, чтобы посмотреть, не отец ли это приехал...

Был у мальчиков ещё один учитель – это дед по матери, Александр Еремеевич, в то далёкое время живший в глухой деревеньке где то в Валдайском крае, куда ещё ребёнком начали отправлять на всё лето Ивана и Вилора, начиная с того года, как он пошёл в школу. Влияние этого деда на мальчика – это отдельная тема, и мы вернёмся к ней позже.

И, наконец, мать Вилора, – Светлана Александровна. Само по себе чрезвычайно чудесное создание, которое не сломили ни будущая трагическая смерть мужа, ни войны, ни революции, ни швондеры.

Светлану Александровну отличал мягкий и ровный характер; что такое повысить голос, это было не про неё. Она была истинная аристократка по крови и воспитанию, и происходила из старинного русско-литовского рода, по семейному преданию, восходящему к самому Гедмину. Её тонкий и изящный вкус к прекрасному, доброму и вечному был привит также в свою очередь, матерью Светланы. Превосходное и широкое дворянское воспитание, включая зна-

ние нескольких иностранных языков, она получила дома, от учителей, специально подобранных и нанятых её родителями. Вышеописанное не значит отнюдь, что мать нашего героя была простой аристократической куклой, о нет! Просто человек подобного рода и воспитания умел сдерживать эмоции в себе, не проявляя их даже с близкими, не говоря уже об обществе.

Кроме того, уже позже она закончила Петербургский Смольный Институт. Как и все образованные люди той, уже давно ушедшей в небытие времён, самодвижущейся эпохи, она великолепно музицировала, умела танцевать, однако, отдавая предпочтение тихой и спокойной музыке Гайдна, Листа и Шопена, неплохо разбиралась в вопросах истории, и отнюдь не академической, а, тем более, советской. Любила литературу, особенно русскую классику, а из французской предпочитала романтиков вроде Дюма; а не трагиков-депрессантов, типа Золя или Гюго. Реализм жизни она испытывала в то время своим собственным бытием, хотя и прочитала как то в молодости пару романов Золя.

Однако, несмотря на любовь и выходящее из неё счастливое замужество, Светлана Александровна постоянно чувствовала свою нереализованность в этой жизни. И, скорее всего, из-за того, что она не могла отдать свои знания другим людям, и именно из-за смены эпох в сторону деградации высшего.

Работая уже теперь в советской школе учителем русского языка и литературы, её деятельность была зажата жёсткими рамками новой программы по этим предметам, составленной шустрými луначарскими с покровскими, из которых, как любой творческий человек, она пыталась всегда выходить, иногда тщетно и напрасно, а когда и удачно, лишь весьма изредка находя благодарных и понимающих учеников.

Рождение же сыновей, их воспитание, отчасти снизили эту неудовлетворённость и открыли ей новые возможности. Как женщина, она была уже реализована, а как человек находила эту реализацию в воспитании сыновей.

Это воспитание и образование детей со временем стало более главным делом её жизни, чем работа по ложно пафосным и нудным школьным программам, написанными поверхностно образованными людьми, бывшими в то как бы второстепенными столпами прошедшей революции. Однако, надо понимать, что тогдашнему, школьному образованию было не до аристократизма, поскольку вопрос стоял об искоренении безграмотности в стране.

Развитие способностей у мальчиков происходили, на первый взгляд, само собой, но на самом деле управлялось именно матерью, а направлялось отцом.

К поступлению в школу Вилор, кроме русского, мог говорить и на французском, и на английском, причём русской грамматикой он владел в двух вариантах: как дореволюционной, так и советским послереволюционным новоделом в обработке всё того же Луначарского и компании.

Кроме того, во время пребывания в деревне у деда Александра, последний ознакомил его с азами древнерусского и церковно славянского языков, о первом из которых мало кто тогда, да и сейчас имел хотя бы отдалённое понятие... дед его был кладезем познания. но о том ещё речь впереди.

Всё шло своим порядком, дети росли и развивались, Светлана Александровна стала ощущать вкус спокойного семейного счастья, а Зимин-старший большую половину времени проводил в командировках. Жизнь налаживалась. Интеллигентная семья, возвращенная на дореволюционных, аристократических дрожжах, стала постепенно походить на обычную советскую семью, по крайней мере, внешне.

Именно внешне, потому что та же Светлана Александровна в глубине души так и не смирилась окончательно со своим положением обычной учительницы, хотя вскоре ей и пришлось это сделать против собственной воли.

* * *

...Маленькому Вилору было чуть более десяти лет, когда эта внешне спокойная и идиллическая жизнь внезапно закончилась. Однажды поздним ноябрьским вечером отец приехал домой в сопровождении военных людей, устроивших обыск в его кабинете и перевернувших там всё вверх дном. Действовали эти люди молча и уверенно, лишь изредка что то спрашивая Бориса Евгеньевича. Обыск, завершившийся за полночь, привёл к полному исчезновению отца из жизни его близких.

Что-то неуловимо изменилось в атмосфере семьи, и тем более, детей. Светлана Александровна внешне держалась всё также невозмутимо, однако никто не знает, как дорого ей стоило это внешнее спокойствие.

Но, как говорится, всё проходит, и боль утраты мужа заглаживалась всё тем же временем и заботами о детях. Мальчики росли, один за другим заканчивали школу. Иван поступил в лётное военное училище, готовился стать советским офицером.

Вилор также, долго не думая, по совету матери поступил в медицинский институт, подальше от древней архитектуры, археологии и связанной с ней, как оказалось, политики, сгубившей его отца. После ареста и исчезновения в недрах лагерей Бориса Евгеньевича, Светлана Александровна ожидала худшего в отношении себя, а особенно детей. Однако ничего подобного не произошло. Её не вызывали в соответствующие органы, даже не уволили с работы, а оба сына благополучно поступили в вузы и, со временем, также удачно из закончили.

Когда она годом позже после ареста мужа приехала с сыновьями в деревню к Деду Еремеевичу, тот высказался просто:

«Твой Борис много знал об устройстве этой власти и как она работает. Да и не только эта бесовская Советская власть. Любая власть, эта, либо какая то иная. Особенно власть так называемой буржуазной демократии, которая всего на всего лишь есть примитивная услуга всё тех же пресловутых денежных мешков, в чём отчасти правы эти треклятые большевики. Но эта их власть у нас в России не совсем обычная, это слепок с прежней, монархической власти, но слепок крепкий, и по всему видно, что она надолго.

Ведь эти люди знали, как власть захватить, а самое главное, – надолго, очень надолго удержать. Много тысяч лет назад власть в таких древних государствах, как Египет, Шумер и Вавилонии была постоянной и прочной, хоть менялись цари и династии. Но сам принцип был неизменен. Основа была магически сцементирована, не подлежала реформированию, и потуги изменить её структуру заканчивались ничем. Вспомни того же Эхнатона, ты же знаешь, чем он закончил? Полной обструкцией и многовековым забвением.

А твой Борис очень много знал, знал устройство этой власти, самое главное, что он знал устройство мавзолея главного современного российского фараона, сам был участником его проектирования и сооружения, а такие знания власть не прощает. Твой муж попал под категорию людей «слишком много знающих», дочь.»

Действительно, вслед за исчезновением Зимины-старшего в многострадальной стране началась очередная «охота на ведьм», периодически накатывающаяся на учёных в последние лет двадцать. Было дело инженеров, дело египтологов, были арестованы и уничтожены Вернадский, Вавилов, к стене отчаяния на грани выживания прижаты генетики и прочие «вейсма-нисты-морганисты».

Александр Еремеевич тогда много чего ещё говорил Светлане Александровне, объясняя ей случившееся с мужем, успокаивая и настраивая её на продолжение жизни, какая есть, но тогда Вилор был ещё слишком молод, многого не понимал и не запомнил.

Единственное, что он тогда осознал, этот одиннадцатилетний мальчик, что власть есть нечто чёрное, безжалостное, в грязно-синих мёртвых ромбических околышах, проникающая

повсюду и тянущаяся прямо к твоему сердцу, чтобы запугать тебя и захватить твою душу. Страх есть основа любой власти, понял Вилор. И тогда он решил навсегда закрыть от этой власти сердце, со всеми его чувствами, как от врага своей души.

Именно от власти над людьми, но не от людей.

* * *

Солнце сбегало наконец от надоедливой тучи и своим явлением открыло глаза Вилору. Он поднялся с цветастой весёлой скамейки и побрёл на вокзал. Дождь исчез, оставив за собой следы в виде разнообразных луж. Командировка его была не из удачных, препарат не подействовал на умирающего больного так, как ожидалось, и причину этого он и должен был выяснить...

Данные отдела статистики по применению мериллита утверждали, что изменения к лучшему наступали в 80 – 85 процентах случаев применения лекарства. Ох уж эти проценты! Ведь Вилор знал по имени каждого больного, как выжившего, так и умершего.

Значит, здесь этот Ющенко принадлежал к тем пятнадцати процентам, коим, увы, было суждено умереть. Вилор прокручивал в голове причины неудачи, но так и не пришел, ни к какому выводу. Ранее было известно, что часть неудач происходило от малой дозировки препарата. Лекарство просто не действовало при слишком малых дозах на онкологических больных. Поэтому при весьма малой дозировке препарата, процесс выздоровления не происходил вообще, как будто бы лечение не осуществлялось вовсе. При хронических, неизлечимых, современной медициной, болезнях, эффект плацебо и малых доз не срабатывал.

Однако, при передозировке, летальный исход был также предопределён, как будто раковые клетки получали дополнительный допинг и размножались с утроенной силой. Оппоненты, а, тем более, завистники Вилора в Конторе вообще ставили его препарат под сомнение. Посему учёные, а тем более и те, кто непосредственно отвечал за конкретного больного, и опасались, прежде всего, передозировки лекарства, чтобы не сделать ещё хуже.

Он с грустью подумал: «Процент неудач будет всегда, особенно, при невозможности сделать на сто процентов верную диагностику, от которой и зависит дозировка в каждом случае. Только верная диагностика может определить дозировку.»

Кроме того, он прекрасно понимал, что даже двум больным с одинаковым диагнозом должна быть предписана разная дозировка средства, исходя из истории болезни, анамнеза, конституции больного и прочих неравных условий. Лекарство действовало эффективно, но избирательно.

Иногда доходило и до трагиказусов: у них в закрытом стационаре Института наблюдался и лечился вскоре после войны один из высших партийных деятелей, страдавший неизлечимой саркомой сердца, правильно подобранная доза мериллита поставила его на ноги, совершив чудо. Но, тем не менее, жизнь сановника вскоре трагически оборвалась: он был арестован и вскоре расстрелян, как «враг народа» или же скрытый космополит, короче, стал неуютен Хозяину, поэтому никто так и не понял, в чём была его вина, и была ли вообще. Пропаганда в виде радио и газет делала своё дело, а ей Зимин никогда не верил, памятуя наказания Деда... «Не бывает независимой пропаганды, не верь, всё всегда зависимо».

В тот раз Вилору подумалось, что, умирая от болезни, человек зачастую обретает намного более лучшую участь, чем иногда продолжая жить свою во многом предсказуемую жизнь.

Одно теперь было несомненно: вопрос излечения каждого конкретного больного всегда зависит от конкретной дозы мериллита, которая должна быть строго индивидуальной для каждого пациента. Дозу назначает врач. А врачей подобного профиля у нас практически нет, работы же ведутся с особой секретностью.

Эти секретные инструкции по применению новых средств пока были разосланы всего по семи основным городам страны вместе с базовым препаратом, – мериллитом. Трёхдневные курсы повышения квалификации для местных врачей были явно не достаточны.

В последнем случае доза явно была малой, ведь больной прожил довольно непродолжительное время, после того, как ему начали вводить препарат. Так что срочный приезд Зимина сюда ничего не решал, и последний прекрасно понимал это. Он был бессилён перед этой частной смертью.

Так, размышляя, Вилор дошёл до вокзала, где до отправления его столичного поезда оставалось минут двадцать. Он подошёл к перрону, отыскал свой вагон, добрался до купе, и, не обращая внимания на случайных попутчиков, забрался на верхнюю полку и сразу уснул, как только поезд пришёл в движение. Напряжение уходящего дня было слишком сильным, его можно убрать лишь хорошим сном, что Зимин и сделал.

* * *

В 1943 году Вилор Зимин экстерном закончил своё медицинское образование во Втором Медицинском институте столицы и добровольцем ушёл на фронт.

Его прикомандировали к полковому госпиталю Н-ского фронта, которым в то время командовал талантливый полководец Константин Константинович Рокоссовский.

В госпитале Зимину предоставили место по профилю терапевтического врача, отвечающего за послеоперационное состояние прооперированных больных. После операций раненых сортировали – тяжёлых отправляли в эвакуогоспитали, а остальные долечивались на месте, с тем, чтобы вскоре вновь отправиться на передовую. Был уже конец этого решающего и переломного года войны. Только что позади была Курская дуга, фронт медленно но уверенно начал продвигаться на запад.

Энтузиазм войск рос с каждым шагом этого продвижения и в победе более уже никто не сомневался. И этот предвкушаемый запах победы в это самое время начал покорять запах смерти.

Было очевидно, что немцы в России в очередной раз вляпались, несмотря на предостережения своего умного, даже сверхразумного Бисмарка. Каждый человек тогда на фронте в силу зову самой природы, надеялся дожить до победы. Работая в этом госпитале, наблюдая за послеоперационными бойцами, способствуя лично их выздоровлению, Вилора тогда привлёк такой интересный факт.

Люди с травмами и ранениями практически схожей тяжести выздоравливали зачастую по разному. Имелась небольшая корреляция на возраст раненых, но само это правило тоже было относительным. Пожилой боец, за пятьдесят и более лет мог иногда выздороветь раза в два быстрее, чем более молодой воин, со схожими очагами поражения и симптомами ранения. Про таких людей, очевидно, в былые времена и родилось присловье: «...Заросло как на собаке». Интуитивно Зимин связывал эти быстрые выздоровления с настроением и установками самих бойцов, в чём он не раз убеждался.

Бывали и совсем интересные случаи, вот один из них.

Однажды в госпиталь привезли контуженого артиллериста с прострелянной и раздробленной правой рукой. Хирург быстро и чётко сделал своё дело, достал осколок снаряда из поражённой лучевой кости, наложил гипс, но Вилору сказал: «Этот видимо, отвоевался, кость то вдребезги, сухожилия порваны». После операции этот артиллерист долго приходил в себя, у него напрочь выбило из головы всю его память вследствие контузии.

Когда он пришёл в себя, прооперированный после наркоза, он, не помнил, как его зовут. А случилось так, что танковый снаряд противника разорвался рядом с его пушкой, наградив артиллериста, кроме ранения руки, ещё и сильной контузией.

Вилор по несколько раз в день подходил к бойцу и заговаривал с ним. У Зимина был свой подход к людям, больным и здоровым, и к тяжелораненым, в частности. Он пока не говорил контуженому бойцу его имя, как тот попал в госпиталь, не навязывал никаких навоящих вопросов, словом, держался с ним, как с обычным человеком, будто в памяти. Вилор просто садился рядом, говорил с ним о войне, о победе, которая обязательно скоро наступит, о ждущей дома семье, о солнце, которое пока ещё часто бывает сокрыто от взгляда человека порохом дымом и взрывами бомб... Зимин проявлял просто человеческий интерес к человеку.

Алексей, так звали раненого бойца, вскоре стал вставать с кровати, сам себя обслуживать, пока лишь одной рукой. Он мало разговаривал, только раз заявив Вилору, когда тот сидел рядом с ним:

– Доктор, Вы должны знать, что у меня в голове пустота, просто не знаю, кто я и что я. Вы мне сказали, что я русский, что я живу в Советском Союзе, и что идёт война с Германией, а меня ранило в руку и заодно контузило. Но, представляете, доктор, у меня такое ощущение, что я родился в этой палате. Я сейчас помню только тот момент, когда я открыл глаза после этой операции. В моей голове почти нет мыслей, и иногда мне бывает всё равно, что было со мной когда-то раньше. Итак, памяти у меня совсем нет. А рука моя не работает. Но чувствую внутри я себя почти превосходно, как будто родился заново. Меня лишь немного волнует, а что со мной будет позже, в будущем, доктор?

– Взгляните сюда, – Зимин достал фотографию и показал её Алексею.

На фото он увидел сидящих мальчика лет одиннадцати в школьной пионерской форме, и двух девочек погодков, ненамного младше мальчика. Зимин спросил артиллериста:

– Вы не можете вспомнить этих детей?

Алексей пристально смотрел на фотографии, но недолго, и отвечал:

– Впервые вижу, доктор, этих детей.

– А ведь, это Ваши дети, Алексей.

– Мои?

Тот ответил сразу, скорее автоматически, но в его голосе не было удивления, лишь какое-то бесстрастное недоумение...

Главный хирург и начальник полевого госпиталя, подполковник Ясенский, которому непосредственно подчинялся Зимин, однажды в разговоре с молодым доктором сказал:

– У Алексея сверхтяжёлый случай афазии Брока, и, видимо, ваш контуженный боец неизлечим.

И продолжил:

– Вы мне рассказывали о равнодушии больного к своему прошлому, но ведь в данное время это прошлое у контуженного просто-напросто отсутствует. Так что, логично, что у него нет к этому прошлому интереса, поэтому, лейтенант, готовьте больного к отправлению в эвакогоспиталь.

– Но ведь у него, как и у любого другого человека есть оно, это его прошлое. Просто он его не помнит и не ощущает, —

добавил Зимин.

Ясенский вновь заметил:

– Он у нас сейчас, как новорожденный младенец, после контузии жизнь началась как бы с чистого листа. Кстати, каково состояние его руки?

Ясенский, раскрывая чуть шире свои глаза, в упор посмотрел на Зимина.

– Кости руки срываются, но пока парализация остаётся.

А так он нормально чувствует себя, ходит, мало лежит, активен, – отвечал Вилор.

– Что ж, где то через неделю будем комиссовать, и пусть едет к жене и детям. Видя их, его память может и восстановится. Ему нужен достаточно сильный стресс, а то он тут у нас лежит, как у Христа за пазухой.

При глобальном стрессе может закончиться парализация, и память восстановиться, а сейчас мы ему уже никак не поможем, – этими словами Ясенский завершил этот мини консилиум.

...Однако, как никто из людей не знает не только своего будущего, а тем более, будущего другого человека, так и этим предположениям главврача было не суждено осуществиться. Вернее сказать, Ясенский был прав, предугадывая возвращение памяти прошлого к Алексею. Однако всё случилось по-другому...

Советские войска продолжали наступать, тыловые части подтягивались колоннами к линии фронта. И через несколько дней после беседы врачей о судьбе Алексея одна танковая колонна проходила недалеко от размещения госпиталя. Внезапный налёт немецких бомбардировщиков, поддерживаемых штурмовиками, сопровождаемый грохотом разрывов падающих бомб, попытался нарушить её ход к линии фронта.

Зимин в этот момент был на обходе, как вдруг раздался умопомрачающий вой и свист совсем рядом, а затем мгновенно раздался взрыв, двухэтажное здание госпиталя, его стены зашатало воздушной волной, послышался звон разбившихся, видимо, не укреплённых оконных стёкол.

«Этим гадам и красный крест, что тряпка для быка», только и промелькнуло в голове Вилора. Однако этот взрыв был единственным, близким к госпиталю, остальные прошли вдалеке, атакуя колонну танков.

Бомба взорвалась как раз напротив палаты контуженного Алексея, выворотив с корнем старую яблоню, росшую во дворе госпиталя, создав на её месте громадную воронку. А в стене, между окнами палаты, возникла широкая трещина.

Кусок штукатурки упал на кровать Алексея, благо его в тот момент на ней не оказалось.

– Все целы? – Забегая в палату закричал Зимин, ища взглядом Алексея и не найдя его сразу.

И вдруг он почувствовал его взгляд, обернулся вбок и влево, увидев его сидящим на кровати своего соседа по палате, который сейчас отсутствовал.

У потерявшего память бойца было другое, чем прежде, выражение глаз, чрезвычайно осмысленное и будто поражённое какой-то идеей.

И Зимин осознал, что через эти глаза на него смотрела на него просыпающаяся память покалеченного войной человека.

– Лёша, ты что то вспомнил? – утверждающе вопросительно воскликнул Зимин, подходя к нему.

– Да, я вспомнил, доктор. Вспомнил тот бой, когда в последний раз скомандовал своё «Заряжай!», а после этого раздался взрыв и настала полная тьма. Я вспомнил, что я командир батареи Алексей Усольцев, я помню мои проводы на фронт и бешеный рёв своей жены. Пока помню только это. Но, кажется, с меня спадает какая то завеса темноты. Постепенно спадает.

– Всё Алексей, спокойно. Пройдёт всего несколько дней и ты вспомнишь всё. Так бывает.

Твоей памяти помог проснуться этот взрыв, который только что был за окном... Кажется никто не пострадал. Я думаю теперь, что это был единственный взрыв, который принёс пользу человеку в этой войне. Взрыв видимо оглушил тебя, с тобой, вернее сказать с твоей головой произошла ещё одна контузия, которая выбила из неё последствия той, первой, около твоей пушки.

Довольно редко, но так случается. До революции в Питере жил один профессор, который лечил некоторые заболевания, связанные с психикой и неврастением. Он лечил эти болезни подобным образом, то есть испуг испугом, к примеру. Мне о нём рассказывал мой Дед. Так что отдыхай, набирайся сил.

Улыбнувшись, Вилор вышел из палаты и сразу направился к главврачу поделиться радостной вестью. В этот момент он был воистину счастлив.

* * *

Ясенский был у себя в кабинете и пил чай.

– Наливайте себе чайку, лейтенант, я разжился отличным краснодарским чаем, очень крупным, не стесняйтесь, приказываю!

А пахуч, однако! Бомбёжка закончилась, все живы, так что пока мы можем спокойно расслабиться...

– Товарищ подполковник, у контуженного Усольцева начала восстанавливаться память, – выпалил Вилор с ходу, даже не дав Ясенскому закончить панегирик краснодарскому чаю,

– Это произошло только что, после взрыва бомбы во дворе и я думаю, что этот мощный взрыв возбудил что то в его подсознании и он вспомнил себя. И даже то, что у него есть семья!

– Прекрасно, слава Богу! А как состояние его руки?

– Рука пока без перемен, задето сильно сухожилие. Да и кости его что то плохо срастаются.

Ясенский ничего не ответил сразу молодому врачу, что то думая про себя, а потом заметил:

– Что же касается его контузии, то тут сработала обратная связь. При этом взрыве рядом с его палатой нервная система его во главе с управляющим мозгом получила похожий стресс, почти такого же рода, что и в бою, у своей пушки. И память у него вернулась благодаря взрыву.

Такие случаи отмечал и доктор Пирогов во время Крымской кампании! Память, видимо, у него восстановится полностью, но с такой рукой он точно не боец.

Зато уж теперь точно останется в живых! Два таких мощных попадания он пережил, что ждать третьего было бы искушением, отправим его до хаты...

– Да, товарищ подполковник, – вторил своему начальнику Зимин, наливая себе чай в стакан, которого не пробовал вот уже как с полгода, с тех пор, как он попал на передовую.

– Что и говорить, повезло артиллеристу, –

протягивал Ясенский на свой особый окающий северный распев, так как сам он был с тех мест, – а я уж было про себя решил, что он так и останется Иваном без памяти. Как говорится, неисповедимы пути Господни.

– Вы верующий, Бруно Михайлович?

Иногда Вилор обращался к Ясенскому не по уставу, тот сам ему такое позволение дал ещё при первой встрече, когда Вилор прибыл в этот санбат.

В госпитале среди персонала ходил слух, что в своём прошлом Ясенский был священником, а сейчас в травматической хирургии творил поистине чудесные вещи...

– Да, я верующий человек, и знаю, что всё на нашей Земле от Господа, в первую очередь, самое существо человека. Человек просто даже не понимает, как мнит о себе... в своём безумии устраивая войны и иные напасти. Вы мне нравитесь, Зимин, я вижу, что вы честный человек. Скажу вам, что я не только был священником, но и таковым и являюсь, лишь прервав служение Богу на служение людям во время этой бойни.

Зимин также знал, что Ясенский был автором новых подходов в решении проблем с нагноениями ран у больных и других запущенных случаев.

– Я тоже верю в Высшее, – проговорил Зимин, – и этот случай с контуженным поразил меня, хоть он и объясним с научной точки зрения.

Но в голосе его проскальзывала какая то расплывчатая неуверенность, которую он сам ощущал с неловкостью школяра.

Тут привезли новую партию раненых с передовой, и Ясенского позвали к ним. Эти вновь прибывшие раненые были с атакующими немцами с воздуха танковой колонны. Были и убитые, как сообщил один легко раненый боец.

Но мёртвых в госпиталь не возят и при военных госпиталях морги не содержат, что было бы и накладно и бесполезно для войны, которая сама есть большой реальный для многих морг, так что содержание локальных моргов при госпиталях было бы роскошью. Достаточно было мертвецкой комнаты.

Теперь Зимин специально обошёл все госпитальные палаты, интересуясь, не пострадал ли кто ещё при взрыве во дворе. Оказалось, что никто не пострадал, Ясенский был прав,

Прошла неделя. Госпиталь жил своей жизнью и смертью.. Кого то отправляли в тыл, а большинство солдат и офицеров возвращались на передовую. Часть из них возвращалась с радостью, зная, что до победы ещё далеко, а осуществление её лишь вопрос времени, до конца которого каждый хотел дожить, чтобы вернуться в родной дом, на свою землю и к своим близким.

Где то через неделю после взрыва бомбы в госпитальном дворе к Алексею Усольцеву полностью вернулась память. И не только память, у него полностью прошли головные боли, которые почти не переставали его мучить после случившейся контузии.

* * *

Вилор в ту фронтовую пору был ещё очень молод, ему было всего лишь двадцать лет. Однако он в своих мыслях (так ему представлялось), был старше этого юного возраста, впрочем *та война* всех делала старше, за исключением лишь тех, кто взрослеть по настоящему, так и не захотел.

Да и задумываться над разными проявлениями жизни Зимина постепенно учила сама эта жизнь, а жизнь эта проходила перед ним в виде тех людей, с которыми она соединяла его то надолго, то лишь на мгновение.

Рука у Алексея Усольцева, в отличие от контуженой головы, всё не восстанавливалась, пальцы были слегка в растопырку и отказывались сжиматься,

Ещё через неделю его комиссовали и отправили в тыл, к жене и детям, а госпитальная жизнь продолжалась своим чередом. Раненые прибывали, выздоравливающие отбывали, хирурги оперировали, а Вилор Борисович Зимин назначал лечение, случалось и тем, и другим.

Терапевтическая поддержка заключалась в назначении жаропонижающих, обезболивающих препаратов, других средств и витаминов, многих новинках той современной тому времени медицины. Также все выздоравливающие легко раненые бойцы находились под его наблюдением, проходили ежедневное обследование.

Тем временем, фронт откатывался далеко на запад, и сам госпиталь, расположенный в захудалом, но уцелевшем городке, оказался в глубоком тылу. Пошли разговоры о скорой перемене места, ближе к линии фронта,

Медсестёр не хватало, и хирурги госпиталя были весьма рады, когда прибыло пополнение в виде двух молоденьких сестричек: Веры и Эли.

Вера стала работать с Ясенским, в том числе и выполняя функции секретаря: а Эля досталась хирургу Носову, также в её обязанности входило помогать и Зимину, то есть кормить бойцов пилюлями по назначению последнего. Эта вновь прибывшая сестричка Эля оказалась даже очень милой шустренькой девчонкой. Внутри её существовал маленький моторчик-чертёнок, заводной и не знающий остановки.

Она была очень жива и быстра, как метеор, носясь по палатам, и, к тому же красива какой то не совсем обычной красотой. Тёмные волосы удивительно контрастировали с бледно белым цветом лица и с едва заметными раскосыми голубыми глазами.

Вилору она понравилась мгновенно, это было именно тем, что во все времена зовётся «любовью с первого взгляда». Как сказал когда-то классик: «а разве бывает другая любовь?». Наш герой пока этого не знал, но был обречён узнать, как человек, лишь недавно вступившим во взрослую жизнь. Всё бывает, но всё проходит в этом мире...

Как ощущается первая влюблённость у молодых людей, ещё неопытных и юных? Очевидно, что по разному, но суть её всегда одна и та же.

Что то захотелось порассуждать о любви этому автору. Возможно, это всего лишь вопрос воспитания: в самой ранней молодости невоспитанные становятся ещё более грубыми, чтобы привлечь внимание к своей персоне, либо неотразимой для своего обладателя, или, же, наоборот, недостойной своего объекта поклонения, превращаемого в недостижимый фетиш. Некоторые в последнем случае, вообще молчат, боясь открыть рот, опасаясь показаться смешными или глупыми. Комплекс противоречивых чувств и эмоций в юной душе тоже многие из них называют любовью, а когда наступает прозрение, то эти эмоции отшелушиваются, словно будто их и не было.

Молодые люди образованные, воспитанные не в духе современного социалистического общебытового моветона, а в духе аристократизма ушедшей эпохи, вроде героя этого повествования, тактичны, вежливы, но тоже склонны к замешательству, однако довольно удивительного рода, современным молодым людям совершенно не присущему.

В присутствии такой особы, им понравившейся, он чувствуют какой то особый магнетизм, вдруг возникающий в самом пространстве и делающий вас будто скованными невидимой душевной цепью притяжения. Душевная цепь эта очень сильна и может в будущем привести к великим открытиям, будучи ракетным топливом вдохновения поэтов и художников. Это толчок, который творческий человек испытывает для того, чтобы реализовать свою дремлющую в нём потенцию. И неважно, что будет с самим этим толчком впоследствии, во что именно конкретное он выльется.

Впрочем магнетизм молоденькой Элеоноры, ощущал не только Вилор, но и другие врачи госпиталя.

А более всего в эту медсестру влюблялись раненые бойцы, прикованные к своим кроватям и не поднимающиеся с них.

«Да уж, медсёстры они на то и медсёстры, чтобы взбадривать, и не только пилюлями, но и своим существованием, не только больных, но иногда и персонал,» – так подумал про себя многоопытный, но пока только в хирургии, хирург Виктор Носов. Но, его то как раз Эля почему то никак не затронула.

Ему более понравилась другая девушка – Вера. Светлая, плотная, она выглядела немного старше своих лет.

Вера была похожа на одну из натурщиц скульптора Веры Мухиной. Её фигура представляла собой нечто среднее между идеальной женщиной Микеланджело и древней славянкой, жившей несколько тысячелетий назад во времена культур Тирольского расцвета. В то время весьма ценились формы, да. Но вновь прибывшие девушки не соперничали, нет. По крайней мере внешне это было незаметно.

Это девичье пополнение быстро освоилось, и спустя некоторое время уже было трудно себе представить, как ранее госпиталь жил и работал без этих быстрых, умных, а вдобавок, и очаровательных, сестричек.

Что же касается Вилора, то он точно был очарован, очарован так сильно Элей, что невольно пытался скрыть это своё очарование, в первую очередь, от коллег, но результат полу-

чился полностью противоположный. Ведь «все» всегда про «всех» «всё» знают, особенно в таких случаях.

«Понимающих» взглядов их на себе молодой врач стал замечать гораздо больше, даже до той степени, что научился различать эти взгляды. Они были таковы: насмешливые, снисходительные, высокопарные, даже сочувственные. Последнее излучали глаза большинства персонала, но особенно Носова и, кажется, даже Ясенского. Впрочем, насчёт Ясенского, может он и ошибался, но с остальными ему было всё понятно.

Любовь на войне, пусть даже в относительном тылу, – дело весёлое и радостное, но, увы, редкостное и опасное. Редкостное потому, что одна девчонка приходилась на сто, а может и более ребят, а опасное потому, что никогда не знаешь, чем вся эта любовь закончится, впрочем, как часто и в мирное время. Однако люди устроены так, что пренебрегают болью, когда весело и радостно, либо, по крайней мере, до тех пор, пока не болит.

Всякому ясно, на войне риск потери возлюбленного возрастает в разы. Однако, как ему казалось тогда, любовь на этот раз смела все преграды, в том числе и войну.

Всё же было в Зимине качество, которое досталось ему наверно от Деда. На своей настоящей службе, служении другим людям, той работе, которой он отдавался со всем пылом своих молодых и нерастраченных сил, он постоянно наблюдал Элю и общался с ней. Но он чётко теперь смог поставить грань между своими чувствами к ней и людьми, которые требовали его заботы и именно от него, Вилора Зимина, в какой то мере зависела их жизнь и судьба

Девушка чувствовала это как бы двоякое отношение к себе этого молодого врача, прекрасно понимая его, поэтому только и могла ожидать объяснения, которое вскоре и последовало... Их, как и всех влюблённых в мире, сблизил похожие чувства и близость дыхания смерти, даваемая войной. Дыхание смерти истинную любовь лишь усиливает, а неистинная тут же показывает своё истинное лицо. (А что такое неистинная любовь, разве бывает таковая? Да, ответило второе Я автора и написало следующее: «Это любовь – захватчик, впрочем для неё было бы хорошо придумать другое слово для обозначения; разве это любовь?!»).

...Наконец то поступил приказ, которого все здесь ожидали. Пришло распоряжение о свёртывании госпиталя и его передислокации в городок Н., что находился уже в Западной Белоруссии.

* * *

...Они объяснились с Элей как раз за день до отъезда на новое место размещения госпиталя.

Госпиталь погружали в крытые полуприцепы целый день, а на следующий подошла колонна из трёх специальных автобусов, куда поместили раненых, не подлежащих отправке в глубокий тыл, и, караван, наконец, тронулся в путь, который занял, при своей медлительной осторожности, с перерывами на вынужденные остановки, более суток.

Городок Н., куда они прибыли, ненамного отличался от прежнего, если чем, то своей католической кирхой на одном своём конце, и православной церквушкой, на другой. Расположился госпиталь в здании школы недалеко от той кирхи. Не успели они как следует развернуться, как прибыла первая партия тяжелораненых.

Вилор всё также выполнял свою работу и наблюдал. Он всегда любил наблюдать, с самого своего раннего детства, и, трудно сказать, кто его этому научил. Природная любознательность, врождённая склонность и любовь к исследованию того, что происходит прямо перед тобой, были ему присущи в полной мере. Будучи здесь, на войне, он постоянно наблюдал, как идёт выздоровление раненых солдат.

Он видел, как из немощного больного, почти калеки, вновь, с течением времени, получается живой и даже вполне жизнерадостный человек. Малая часть из них, впрочем, были жизнерадостными и на пороге своей неотвратимой смерти...

Особенно запомнился такой случай. Как то раз привезли тяжелораненого бойца, со сломанным позвоночником. В этом случае даже сам профессор Ясенский не мог ничего поделать, это был сложный компрессионный перелом позвоночника. Тяжелораненому воину сделали обезболивание, но в сознание он не приходил.

Вилор в ту ночь почти не отходил от этого бойца.

Собственное бессилие мучило его, наверное, не меньше, чем самого бойца, который, наконец, под утро, когда Зимин в очередной раз зашёл в его палату и сел на край табурета возле его кровати, вдруг совершенно неожиданно открыл глаза и ясным взглядом посмотрел на врача. И вдруг сказал таким чистым и ясным голосом:

– Всё малыш, отжил я своё, ничем ты мне не поможешь.

Вилор хотел было, как обычно в таких случаях, подбодрить и утешить, обнадежить человека, но вдруг отчётливо понял, что сейчас этого делать не нужно. Перед ним просто лежал умирающий воин, мужчина. И кто то ещё, судя по этим смотрящим на него, всё понимающим глазам.

Но *кто* смотрел на врача из этого страдающего умирающего тела? Лицо его было безстрастным. Даже бело бесцветные губы, когда он произносил свои слова слегка изгибались, почти не открывая рта.

– Одного жаль, до победы не дожил, а остального вроде и не жаль, Я жизнь то знаю, много чего повидал в ней. Так что, прости доктор, умру я, не боись!

Умирающий утешал доктора! Вилор сидел, каменея от изумления, глядя на бойца, как вдруг из его глаз непроизвольно хлынули слёзы. Он не мог понять, откуда они вдруг взялись, так как сейчас не чувствовал ни жалости, ни другого, близкого к ней чувства.

Он не знал, что это, может сострадание.? Сострадание к умирающему и сострадание к самому себе, такому молодому ещё, но знающему, что и он умрёт рано или поздно?

Действительно, в этот момент, у молодого врача было ощущение, что умирает он сам, а не этот прощающийся с жизнью человек, почти что труп, но с такими глазами, в которых эта самая смерть отсутствовала... Эта смерть поразила его.

Произошедший случай заставил Вилора задуматься. Где в жизни спрятана грань между самой жизнью и смертью? Этот умирающий человек показался ему более живым, чем многие другие, кажущиеся живыми.

Может прав добрый Ясенский, верующий в вечную жизнь во Христе? Или правы марксисты-материалисты, полностью господствующие в стране вот уже почти тридцать лет?

Почему большинство людей так боятся умирать? А боится ли он сам умереть сейчас, в этот момент, тем более, что он теперь так сильно привязан к этой жизни первой, и, как он верил тогда, последней любовью.? Он не хотел умирать, да и что такое самоё это смерть, которую он наблюдал иногда по несколько раз за день?

Эти безжизненные, обездвиженные тела, которые вывозили у него на глазах так часто даже не на кладбище, а за город, в общую могилу. Что же двигало их, эти тела, тогда, когда они были живыми людьми, а не трупами? Какой силы теперь они стали лишены? Верующий Ясенский говорил ему, что душа или дух; то, что никогда не умирает, но тогда Вилор так точно и не понял. Молод был он ещё, молод, как и молода сама его душа.

А в чём же разница между ними? И вот теперь, Зимин, наблюдал этот самый дух в пока ещё живом, но умирающем бойце Он наблюдал его через глаза, глаза, в которых не было ни страха, ни сожаления, всего того, что именно и зовётся «человеческим»...

...Вилор пока понял только одно: если хорошо помогать телу выжить, чем они, собственно говоря, тут в полевом госпитале и занимаются, то предполагаемый в нём дух может надолго задержаться в этом теле, если он точно существует. Поэтому реакции тела, – вот что сейчас было важно.

Помогали же они покалеченному телу выжить лишь при помощи скальпеля и медикаментов, а также благодаря молоденьким и жизнерадостным медсёстрам, которые этот самый дух поддерживали в раненых бойцах, чтобы тем снова отправиться на поля битв, «битв за жизнь против смерти», ведь одно не существует без другого...

Так Зимин продолжал свою работу, свои наблюдения, и вскоре пришёл к выводу, что всю массу выздоравливающих и пославших (пока ещё) смерть подальше, бойцов, можно разделить на две группы: в первой преобладало стремление, воля, решимость побыстрее встать в строй и покинуть госпиталь, а вторую он назвал «безмятежники». Последние как бы и не рвались быстрее выздороветь, но и не боялись умереть, отдаваясь на волю судьбы. Этих последних было меньше.

Во второй группе в тяжёлых случаях никто из них не спрашивал: «Доктор, а я буду жить?», тогда как в первой такой вопрос задавали всегда. Ответ был также почти во всех случаях положительным, что давало спрашивающим стимул к выздоровлению. Но во второй группе такого вопроса не задавал никто, что, собственно, и предопределило их принадлежность к «безмятежникам». Похоже, что эти люди относились равно как к жизни, так и смерти.

Вилор задался вопросом, в какой группе выздоровление идёт быстрее, что сделать было непросто. Часто ему приходила мысль, что в конечном счёте, всё зависит от самого человека, его организма и строя его души.

И вот, накапливая со временем данные о всех выздоравливающих госпиталя, даже записывая их в специальную «Синюю тетрадь», как бы прообраз той, будущей «Белой», которая теперь хранилась у «Шефа», и идею которой Зимин ему и подкинул, он наконец осознал, что выздоравливание «безмятежников», (то есть отдавшихся на волю Высшую, как любил говорить профессор Ясенский), имеет свои преимущества.

Зимин отследил, что выздоровление бойцов с похожими ранениями и болезнями во второй группе шло быстрее, чем в первой. Также смерти в этой группе встречались исключительно редко, как, например в том случае, о котором говорилось выше. Итак, в свободное от службы и любви время, Зимин радовался своим размышлениям, благодаря которым он рос...

Известно, что всё живое стремится к вечной жизни, даже не задумываясь об этом. Срезают деревце под корень, глядь, вскоре из под этого корня вновь торчат молоденькие побеги, скашивают траву, не проходит и месяца, как её вновь можно косить... При опасности у ящерицы отваливается хвост, но очень быстро отрастает новый. В здоровом организме умершие клетки постоянно замещаются новыми, молодыми. Где же тогда есть эта смерть? Существует ли она вообще?

Зимин, наблюдая за выздоровлением бойцов, осознал, что регенерация, а также восстановление органических и физиологических функций происходит хоть и различно, но имеют некий средний показатель в обеих группах. Как же улучшить, ускорить этот показатель? Как ускорить регенерацию повреждённых тканей и выздоровление человека в целом?

Литературы на эту тему под рукой было маловато, особенно в тех условиях. У него с собой было несколько книг по клинической медицине и дореволюционный ещё труд профессора Корыстелёва «О регенерации».

Пример из жизни пресмыкающихся – ящериц с быстрым выращиванием хвоста более всего привлёк внимание Вилора. Этот пример был нагляден, эффективен, а главное скор в исполнении, что так важно в военно-полевых условиях войны. Какие силы в организме отвечают за регенерацию тканей и самих органов, если такое возможно в принципе для человека?

И Зимин начал искать, экспериментировать, особенно после того, как в старой книге отца по медицине, с которой он с детства не расставался, он прочитал о средневековых опытах тогдашних алхимиков.

У этих людей были столь экстравагантные методы излечения болезней, ранений и prolongation жизни, что казались на первый взгляд фантастическими, а на второй, полностью соответствующий материалистической эпохе, —

выдумками чудовищных мракобесов. Так бы определила изыскания этих алхимиков действующая на практике марксистско-ленинская наука середины этого «прогрессивного» века.

Но, Вилор интуитивно чувствовал, что в иных их знаниях и опытах присутствует не просто здоровое зерно, а и практический смысл лечения подобием.

Некоторые из средневековых алхимиков использовали для стимуляции выздоровления людей вытяжки из слюны и прочих внутренних желез лягушек, жаб и ящериц, а также других животных и даже насекомых. У них широко использовались при лечении различных заболеваний и другие жидкости организма, вытяжки из органов и желёз, широко применялась и костная мука различных животных организмов... Вывод Зимина был таков: животные на воле не ходят по врачам в надежде получить какую-нибудь пилюлю для выздоровления, а отлично излечивают себя сами. А чем тело человека отличается от тела животного? Полушариями сверху и только?

Тогда он стал рассуждать дальше. Порез на пальце человека без медицинской помощи заживёт через неделю или чуть больше. С обычной медицинской помощью в виде зелёнки, йода и бинта также исчезнет за неделю, разницы совершенно никакой, главное — наложить повязку на рану, если вдруг потребуется.

Отсюда вновь следует вывод — организм излечивает себя сам, доктор лишь даёт верное направление к излечению. Другое дело — перелом костей или тяжёлое ранение. Там организму нужна более серьёзная помощь, нежели применение йода и зелёнки.

Но, опять-таки, выздоровление осуществляет сам организм. А врач ему *всего лишь* помогает идти к выздоровлению!

А что если это самое выздоровление ускорить и усилить, что чрезвычайно важно в условиях фронта? Да и не только фронта. Одно дело валяться с переломом ноги месяцами на подвесах и растяжках, а другое сделать так, чтобы кости срастались за считанные дни. Взять, так сказать, пример с ящерицы. Так продолжал размышлять молодой врач, а общеизвестно, что размышления молодых людей приводят к действиям и проверке их на опыте, иногда и собственном. И кое до чего он додумался.

О целебном действии слюны, мочи он знал с детства, применять эти «естественные» средства против порезов, ссадин и ожогов научил его Дед. И они хорошо помогали во времена отсутствия не только пенициллина, но и йода и зелёнки. Хуторок тот находился в глухомани, ближайшая аптека была от него в ста верстах. И главное, что должно присутствовать у больного, — это вера в исцеление. Почти как вера в Бога у Ясенского.

Да и человечество не вчера родилось, хоть и самоубийственно самонадеянно мнит себя «прогрессивным» по отношению к прошлым эпохам, а ведь как то просуществовало без официальной фармакопеи десятки тысяч лет...

Особенно привлекало Зимина действие слюны. Он наблюдал, живя в детстве на дедовом хуторе, как деревенские мужики, прежде чем начать колку дров и взяться за топор, плевали себе на ладони, растирали слюну, а затем принимались лихо рубить поленья. Он тогда, помнится, спросил Деда: «Дед, зачем дядя Митяй плюёт на руки?», на что получил короткий и чёткий ответ: «Для силы, чтобы крепости боле было». Так слюна в сознании того маленького мальчика и оказалась связанной с силой...

...А война тем временем продолжала своё обычное дело, госпиталь работал конвейером. Медленно миновала зима и в апреле вновь заговорили об очередной передислокации госпиталя. Опять неделю заняла суeta переезда, затем неделя ушла на адаптацию к новым условиям.

Наступил апрель, время конца природной спячки! Почки на сирени под окнами палаты Вилора каждый день увеличиваются, наливаясь свежими соками жизни ещё одного года. Однажды солнечным светлым утром они внезапно лопнули и нежная зелень маленьких нежных листиков начала петь хвалебные гимны весеннему солнцу, которому было совсем невдомёк, что где то на земле идёт чудовищная война, порождение извращённого человеческого ума. Многим другим было, право, совсем не до войны. Например, котам и их подругам. Каждую ночь под окнами госпиталя разыгрывались протяжные кошачьи свадьбы, одним бойцам действуя на нервы, а другим, как знать сие наверняка, возможно и помогая побыстрее выздороветь.

Молодая весёлая травка пробивала себе путь везде, в бетонных плитах старого фундамента школы и в трещинах заскорузлого и вспученного асфальта. Всё вокруг дышало жизнью, возрождением природы, внутри же госпиталя тоже шла борьба за жизни, но только человеческие и затронутые смертью в той или иной степени.

Зимину иногда приходила в голову крамольная по тем временам мысль, что это не страны воюют друг с другом, а просто люди с людьми. Одна страна, конечно же, может уничтожить другую страну, но не насовсем, не навечно. А вот когда человек убивает человека, то это конец! Конец полный, неизбежный и окончательный. Страну то восстановить можно, а вот человека не восстановишь, если его тело не жилец на этом прекрасном свете. Таковы были материалистичные мысли Вилора в то время.

Впрочем начальник госпиталя подполковник Ясенский верит в Бога и утверждает, что не всё так просто, как рисуют правящие материалисты-марксисты, и Душа человеческая вечна. Может он и прав. Однако сознание Зимина было более атеистичным, как атеистична была в то время почти вся страна и некий высший или присутствующий везде Бог для него был некоей абстракцией.

Любовь была сейчас рядом с ним и она затмевала не только бога, но и войну и смерть, которая также всегда была неподалёку, с ней сталкивались, порой уже и не обращая на неё никакого внимания.

Война стран есть просто продолжение войны людей, пусть и разноплемённых, и молящихся разным идеям, думал Вилор. Другие так и говорят, что война стран и есть война идей.

Но большинству людей плевать на идеи, лузгая семечки или жуя попкорн, подтверждением того служит хотя бы бравый вояка Швейк.

...Одна мысль одно время не давала Зимину покоя, особенно после следующего случая.

Иногда к ним в госпиталь привозили раненых немцев. Вот и теперь привезли раненого в ногу обер-лейтенанта танковых войск. Сопровождавший немца старшина поведал Ясенскому, что наши отбили танковую атаку немцев:

– Вот, что произошло, товарищ подполковник: танк, в котором находился теперешний пленник, был подбит и подожжён. Фрицы стали выскакивать из машины, их наши начали расстреливать из автоматов, после осмотрели на вопрос трофеев, а один фриц возьми, да и окажись живым, только нога задета.

Ну и ротный наш решил его взять, как трофей, как язык. Бедренная кость была задета, сестричка медсанбата быстро ему сделала укольчик морфия: сообразила, чтоб не страдал сильно. И вот доставили к вам. В штаб батальона сообщили, что взят язык, но тяжелораненый, и комбат дал добро на медсанбат. Вот я и стихами заговорил! Удачный день, – на лице старшины сияла улыбка.

В общем повезло всем, главное старшине, что языка взял, не беря его, и самому языку, что хоть жив остался. Правда, он потерял много крови, и повязка на рану, наложенная медсестрой, вся от неё набухла.

Пленного немца оперировал сам Ясенский, который через час показал Вилору пулю от ППШ, изъятую из ноги немецкого танкиста. Плен для этого человека оказался новой жизнью, вместо предполагаемой смерти.

Правда, пока обер-лейтенант был под наркозом и вследствие этого временно отсутствовал в этом мире в качестве себя. Он никак не мог знать, что его ждут лагеря, стройки военных и послевоенных лет, и то, что свой любимый Фатерланд он увидит лишь через шесть лет. Но это всё будет потом, в будущем, а пока он переходил в надёжные руки и пытливый ум Зимина и Эли.

– Суставы у него не задеты, чистые, но большеберцовая кость пострадала серьёзно, – сообщил Ясенский Зимину, одна пуля прошла навывлет, ближе к проксимальной части кости, создав трещину чуть ниже, а другую, в 13 см от первой, я удалил, она то и раздробила кость. Ходить он будет, но, скорее всего, прихрамывая. А теперь пусть отлёживается. В течении суток никаких допросов, гони всех в шею. Ясно, лейтенант? – уже официально строго спросил начальник госпиталя.

– Так точно, товарищ подполковник, – отвечал Зимин, взяв под козырёк.

Вилор вернулся к себе в кабинет, похожий на маленький закуток, а рядом с ним находилась общая процедурная, где Эля отсортировывала лекарства и готовила обезболивающие и другие средства.

Он сел за свой стол, чувствуя уже лёгкую усталость. Вдруг Зимин понял, что этот немец – просто подарок судьбы. Можно было бы конечно испытывать вновь получаемый препарат и на советских бойцах, но он нутром своим чувствовал, что бюрократия в виде разрешения на использовании нового необычного лекарства так затянет весь процесс, что он переживёт и сам День Победы. Он подумал, что если на немце будет результат, то на русском – тем более. Звучит цинично, но, на войне, как на войне. Ну а в положительном результате Вилор был абсолютно убеждён.

Это убеждение шло как и от знания, но более всего от интуиции, от осознания того, что он на верном пути. Откуда у него такое знание, он и сам не отдавал себе отчёта. Кроме его любимой Элички, как он сам её называл, в эксперимент более никто не был посвящён, даже благосклонно к нему относившийся Ясенский.

Последнему Зимин всё же сделал несколько довольно глупых намёков по поводу ускорения выздоровления раненых и больных людей в зависимости от искусственного повышения им иммунитета. Только вот каким образом сам иммунитет поднять и усилить жизненную силу человеческого организма, он умолчал. Поскольку предлагаемые им препараты были весьма необычны и получены весьма экстравагантным методом...

Этой весной, такой пышной и скорой, как и предстоящая и предвкушаемая людьми победа в этой войне, они по утрам с Элей часто ходили на прогулки и бродили по окрестным полям, рощам и буеракам. Кто то, быть может, и заподозривал их в том, к чему и сам был склонен, да и завидовал однако, однако этот предполагаемый завистник был прав лишь отчасти. Любовь между ними, конечно же была, именно такая, которая случается лишь в молодости, иногда до ярости и ломоты нервов, до истощения и скорого последующего воскрешения. Но не любовь была главной в этих длительных утренних прогулках...

* * *

В те счастливые годы свои жизни Вилор ещё даже не ведал, что по настоящему это была его первая и последняя любовь. Он видел и чувствовал в Элине своё продолжение, а её стал

со временем считать какой то частью себя, настоящей частью. А настоящее всегда приходит незаметно и ненавязчиво, как восход солнца ранним утром, который приходит сам, но словно по расписанию.

Остроту чувств добавляло и близкое дыхание смерти, которое чувствовали, но о котором старались не думать. Ведь на войне фронтовая любовь могла внезапно закончиться, хотя полевой госпиталь и был в относительном тылу, хотя этот тыл абсолютно не гарантировал никого от падения бомб и снарядов.

Ведь бомбы отнюдь не предназначены для терапии, как это случилось с Усольцевым, но для иного, а именно для банальных убийств. И всё же, несмотря на войну и страдания людей, молодость Вилора, его стремление к жизни и любви убирало страх в нём самом и помогало окружающим людям.

Этой весной он начал свои эксперименты по изготовлению иммунноусилителя, который получил название мериллит, которое символизировало уязвимость, хрупкость и прозрачность человеческого организма.

Лекарство это создавалось большим и терпеливым трудом. Утренние весенние прогулки с Элей у них были не простыми. Они охотились и добывали в полях ящериц. Общеизвестно, что ящерица одно из древнейших созданий природы Земли и в ней скрыта тайна начал жизни, в том числе и человека, являющемуся его как бы далёким потомком (ну, по крайней мере так считают официальные дарвинисты, – автор тут ни при чём).

Ещё современные ящерицы считаются «бедными» родственниками давно вымерших динозавров, которые жили миллионы лет, но вдруг внезапно исчезли по неизвестной науке причине. Эти пресмыкающиеся не спят, а впадают в своеобразную кому, и, главное, они чемпионы среди всех животных по отращиванию утерянных частей тела, а именно – хвоста, а некоторые экземпляры и не только хвоста. Как обычно, к очень великим открытиям ведут не только бессонные ночи будущего гения, а способность к наблюдению, вдумчивому анализу, а, главное – изначальная интуиция.

Как выяснилось в данном случае, наш герой обладал всеми этими качествами, необходимыми для настоящего учёного, да и любого творческого человека.

Итак, мериллит был изготовлен путём опытных изысканий нашего молодого учёного на основе полученных им экстрактов слюнных желез пойманных ими с Элей во время этих утренних прогулок ящериц.

Позднее в препарат он начал добавлять и экстракт тимуса – вилочковой железы, отвечающей в организме за его рост и иммунную систему. Кроме ящериц Зимина привлекали и земноводные: обыкновенные лягушки, – вернее не они сами, а их эволюционный маршрут и генетическая трансформация от икры и головастика в конечный продукт, что казалось сродни превращению гусеницы в бабочку.

Но этих земноводных он решил оставить на потом, на мирную жизнь, коли она с ним когда то, наконец, случится. Условия на войне слишком неподходящие для резания лягушек, «бандитизма» и более, что ли, натурального тут хватало с избытком. На войне злоба дня вопроса требовала от Зимина ускорения выздоровления людей на основе поднятия их иммунитета.

Со слюнной железой и вытяжкой из неё у них особых проблем не возникало, просто получение этой вытяжки требовало много времени и кропотливого труда.

Сложнее всего было с тимусом, связанным с иммунитетом организма, экстракт гормонов тимуса получить не удавалось. Дело в том, что у старых особей ящериц тимус с возрастом становится меньше, чем у молодых, как, впрочем и у людей. Поэтому для экспериментов им нужны были только молодые экземпляры.

Все свои опыты он делал в маленьком закутке, гордо именуемым его кабинетом, в котором он ранее спал один, а сейчас вместе с Элей. Вся его научная лаборатория, кроме нескольких скальпелей, включала в себя электроплитку и часто заменяющий её примус, пару тиглей и несколько шприцев...

Зимин не имел садистской привычки вивисекторов от науки, режущих трепещущую плоть, как при жертвоприношении, ящерицы перед резекцией получали изрядную дозу морфия, с тем, чтобы впасть в абсолютный сонный транс, да так в нём и навеки остаться. Итак, экспериментальная партия препарата под названием «мериллит» была готова: дело было за его применением.

И испытать его Зимин решил на пленном фрице, а Ясенскому доложить уже позже о результатах эксперимента. В том, что они будут положительными, Вилор не сомневался. Эля же полностью на него полагалась, фронтовой муж был в то время для неё полубогом.

В реабилитационную палату немца принесли два дюжих санитаров. Зимину представлялось, что доза препарата должна быть соответствующей тяжести ранения. В данном случае повреждены были кости, поэтому доза должна быть максимальной. Но что такое эта максимальная доза, если вытяжка с одной железы составляла тысячную долю грамма? Вернее будет сказать, на фрица придётся потратить весь его скудный запас, ведь для получения мериллита, всего одного кубика раствора ему пришлось сделать около пятидесяти операций на ящерицах, лишив их собственной жизни ради продления жизни только одному человеку, и то врагу...

И тут на Зимина вновь накатило сомнение, но уже по другому поводу. Он уже было вознамерился сделать раненому первый укол чудесной сыворотки, как вдруг почувствовал, что зря ничего не сказал начальнику госпиталя Ясенскому. За почти два года работы и службы под его началом, Вилор проникся симпатией и даже любовью к этому удивительному для тех времён человеку, поэтому не сказать об опытах Бруно Михайловичу теперь показалось ему предательством:

– Я пойду к подполковнику, Эля, – сказал он жене, и та, подойдя, поцеловала его в губы нежным и преданным поцелуем, от которого Зимин ощутил не прилив гормонов, а благодарность и радость сердца, которое как бы охватили волны этих чувств.

Ясенский был у себя в кабинете один, просматривая последний номер «Красной звезды». Он обращался иногда со своими подчинёнными по старинному, по дореволюционному:

– Ну что, батенька, дорогой мой, ещё месяц, а может и меньше, и мы в Берлине!

Такое обращение к себе, человеку в два с лишним раза моложе подполковника, всегда смущало Зимина до побурения щёк.

Изнутри он смутился, да вида не подал, пришёл ведь с таким вопросом, что Ясенский вдруг сам его спросил:

– Что такой серьёзный, с немцем, что ль чего не ладно?

– Точно, с немцем, товарищ подполковник, – Вилор даже обрадовался такому обороту и продолжал, – но с ним всё в порядке, и думаю, будет ещё лучше.

Тут со мной небольшой неполадок... И Вилор выложил своему начальнику всё как есть. Наступило небольшое молчание, которое нарушил вновь Ясенский:

– Зря конечно, ты сразу всё не сказал. Если честно, то и не очень то мне верится в твой препарат. Но вреда от него уж точно не случится. Ты Зимин, человек даже более интересный, чем я предполагал. Давай, пробуй, но пока никому ни слова. Кто ещё в курсе дела, кроме нас с тобой?

– Элина.

– Понятно, я мог бы и не спрашивать, – Ясенский улыбнулся какой то доброй, понимающей улыбкой, которую Вилор так любил, – Это всё?

– Да.

– Тогда иди и приступай. Вечером придёшь ко мне и расскажешь о технологии приготовления препарата.

– Разрешите идти?

– Ступай сынок, с Богом.

Окрылённый поддержкой, Зимин вернулся к себе в каморку, Эля взяла шприц и они пошли испытывать чудо-лекарство на немецком обер-лейтенанте.

Шло время и час победы в войне неуклонно приближался. Раздробленность бедренной кости, такое, как у Ганса (так его звали), обычно заживало в течении двух-трёх месяцев, затем следовало долгое хождение на костылях и тогда наш немец был бы готов к трудовому фронту, чтобы восстанавливать хозяйство им же самым порушенной страны.

Препарат вводили два раза – утром и вечером. Тут возникла ещё одна проблема: нехватка самого препарата из-за недостатка сырья. В интересах секретности для ловли ящериц никого привлекать было нельзя. Поэтому у Вилора с Элей каждое утро начиналось с того, то они с ней выходили на охоту в буквальном смысле этого слова.

Весь персонал был уверен, что их утренние прогулки связаны только с любовью, дабы побыть в одиночестве. В одиночестве с собой и набирающей силу весной. Любовь была в этом деле идеальным прикрытием. Впрочем, то, что сейчас описывается, отнюдь не шпионская история...

Ганс оклемался быстро, увидел, что его лечат, и лечат даже как то странно, с какой-то непонятной для него любовью, убивать его никто не собирается, и повеселел, хотя и лежал в одной палате с русскими бойцами, под прицелом их, честно говоря, не очень дружелюбных взглядов.

Пока ещё нога его была подвешена и вставать он не мог. На второй день пришли люди из разведки, допросили его. Ничего особенного они не узнали: то, чего им было неизвестно, пленный рассказать не смог, кроме разве что имён своих родителей, да номера войсковой части.

Фронт за прошедшие двое суток откатился ещё дальше на запад и война близилась к своему логическому концу. Шли последние дни победоносной весны, Советские войска штурмовали Берлин, а полевой госпиталь жил пока своей прежней жизнью: одних бойцов отправляли в глубокий тыл, других на передовую, кто то попадал в мертвецкую. А Эля два раза в сутки делала укол препарата Зимина выздоравливающему фрицу.

Прошло ещё три недели, за которые великая мировая бойня успела завершиться, и тут сделали снимок ноги немца. Просмотрев его, Зимин помчался к Ясенскому. Тот взглянул снимок, и дал добро на постановку Ганса на костыли, сняв его с растяжек раньше срока более чем в два с лишним раза. Препарат, несомненно действовал, и действовал просто замечательно.

Ясенский, на свой страх и риск, дал команду двум санитарам по утрам ловить молодых ящериц и относить их Зимину, соблюдая абсолютную секретность. Раненые ещё продолжали поступать, много было и тех, кто не подлежал транспортировке в тыловые эвакогоспитали. Зимину сразу стало легче. Теперь он занимался только изготовлением мериллита и началось его применение на всех тех выздоравливающих больных, кому он был необходим более всего.

Ясенский с Зиминим наконец решились доложить о препарате по инстанции сразу же после положительного окончания эксперимента по его применению на группе выздоравливающих бойцов. Победный май подходил к концу, поток поступающих раненых постепенно иссякал, и, наконец, совсем прекратился. Госпиталь готовился к расформированию. Военные врачи становились более не нужны, фронта более не было, зато гражданские врачи требовались всегда.

Вилор написал отчёт о лечении препаратом Ганса и группы советских бойцов и отдал его на рассмотрение начальнику госпиталя. Тот на его основе написал сообщение об открытии нового эффективного имунновосстановительного препарата и отправил её по инстанции.

В начале июня немец уже начал ходить без костылей, однако вскоре за ним явился конвой и отправил по назначению, наверно в трудовой лагерь для военнопленных. Тяжелораненых, но ускоренно выздоравливающих бойцов также отправляли на Родину, кого то комиссовали, а иных на продолжение лечения.

В последнюю свою встречу с Зиминим, уже перед его отъездом домой, Ясенский спросил Вилора:

– Что будете делать дальше? Будете работать в терапии, или перейдёте к нам, в хирургию и травматологию? С пресмыкающимися вы прекрасно справляетесь, – Ясенский вновь улыбнулся своей доброй бархатистой улыбкой.

– Пока не знаю, Бруно Михайлович. Сейчас вернусь в Москву, маму не видел два года, это самое главное. Вряд ли я буду хирургом, не чувствую в себе призвания, а *настоящим* хирургом надо быть таким, *как Вы!*

– Благодарствую, батенька, Бог помогает. Ну что ж Ваши документы с Элиной готовы, можете хоть завтра отправляться до дома, желаю вам обоим счастья.

И старый хирург, произнося последние слова с еле заметной дрожью в голосе, сделал шаг к Зимину и крепко обнял того. Последняя минута прощания с Ясенским запомнилась Вилору на всю его долгую жизнь...

Наутро они с Элиной покинули такой родной, но ставший уже не нужным госпиталь.

* * *

Раннее утро, странное, полудремотное состояние. Первая мысль, возникшая на пороге включения в реальность: «Проснулся я или ещё сплю? Но в тот же миг голос проводника развеял его сомнения: «Пассажиры поднимайтесь! Наш поезд через час прибудет в столицу нашей Родины!». Зимин медленно открыл залипшие за ночь глаза. На удивление певучий голосок проводницы принадлежал довольно пожилой женщине, проходящей мимо верхней полки, где он проводил последнюю командировочную ночь.

Зимин быстро встал, умылся, оделся, приготовился к выходу. Он неплохо выспался, однако всё ж, на душе его было беспокойно. Вопрос индивидуальной дозировки препарата до сих пор не был решён. Выходило так, что кроме его интуитивного знания, которое проявлялось при назначении препарата персонально каждому больному, общий алгоритм применения и дозировки, доступный среднестатистическому врачу, был пока недоступен и его пониманию.

Он понял пока одно – что передозировка мериллита могла быть смертельной. Но обычными медиками совершенно не учитывался фактор страха смерти у самих больных, зачастую и без всякого повода. Но у последнего больного этот повод как раз был. Нужно было теперь идти с отчётом о командировке к Шефу, а докладывать то особо было и нечего...

Лаборатория Зимина подошла уже к созданию нового препарата поддержания и продления жизни, могущий применяться не только в хирургии и травматологии и которому Вилор дал имя радоцит, а они до сих пор не поняли принцип дозировки базового лекарства. Часа через два он уже был в приёмной Шефа.

– У себя? – поприветствовав вначале секретаршу Звягина, полненькую, и, как всегда, беззаботную, Лизеньку, Зимин.

– Ждём, с, на подходе. Как командировка, Вилор Борисович, удачная?

– Да нет, если честно, Лиза, то не очень.

– Сочувствую, – Лизанька своими мягким голоском, таким же, как и её рыхленькое тельце, всегда создавала в приёмной Шефа непринуждённую атмосферу, чем эта приёмная и отличалась от десятков других, подобных ей.

Сама же беззаботность Лизы объяснялась довольно просто: она уже больше года, как была любовницей всемогущего Шефа, которому нравились полненькие тётки.

«А что толку в этих худых водосточных трубах?» —

осуждал как то Шеф в тесной компании тогда ещё только нарождающуюся моду на художность и стерлядность, «задницу от локтя отличить невозможно». В общем, Лизанька была на своём месте.

Раздались приглушённые голоса, дверь распахнулась и в приёмную порывисто вошли двое: сам Шеф Конторы Звягин Михаил Герасимович и его первый заместитель Громов Вячеслав Григорьевич. Взгляд Шефа скользнул по Зимину:

– А, привет Зимин, прибыл? Погодь трошки.

И они с Громовым, кивнувшим в ответ на приветствие Зимина, проскользнули в начальственный кабинет.

Подождать было не проблемой, Зимин хорошо выпался в поезде, несмотря на столь неудачную командировку. Лиза начала что-то отстукивать на пишущей машинке, Вилор сел в кресло рядом с её столом, и, вновь, погрузившись в полузабытьё, попытался в таком состоянии проанализировать причину этой неудачи...

Обычно он приходил с работы поздно, проваливаясь в глубокий сон без сновидений, а через четыре часа уже вставал и ехал в институт. Шеф был в какой то мере романтиком и график работы всей Конторы был подстроен под него. Дело было ещё и в том, что он увлёкся новомодной в то время идеей влияния недостатка сна на долголетие. Кто ему подкинул эту сомнительную идейку, осталось неизвестным, но злые языки шептали, что это провокация Восточного сектора, к которому принадлежал и Зимин.

Впрочем другие шептуны (а в какой корпоративной «конторе» их нет?), не без оснований полагали, что Звягин всего лишь копирует самого Хозяина, и началось всё с его личных посещений по ночам, когда Шеф с Громовым ездили к нему с докладами или с сеансами prolongation жизни.

Этот Институт, где работал теперь Зимин, с официальным пышным названием Институт Геронтологии и Долголетия был создан на базе реабилитационного Центра военнослужащих, коим во время войны руководил Громов. В этот Центр Зимин и устроился сразу после войны.

В том громовском Центре проходили реабилитацию тяжелораненные в результате военных действий, аварий и тяжёлых травматических, а также психологических случаев. Однако после окончания войны и с образованием Института, с приходом к руководству Звягина, акцент был более перенесён на научную работу по вопросам продления жизни и повышения иммунно-защитных функций организма человека. В общем, Зимин со своим вновь созданным мерилитом попал в родственную стихию, было проделано множество экспериментов и почти все они давали положительный результат.

До конца не был завершён вопрос с индивидуальной дозировкой средства, а также создания универсального иммуностимулятора под общим названием радодит.

Со временем всё же оказалось, что передозировка может нанести вред человеку, а малые дозы препарата не окажут никакого влияния. Тут, как всегда, Зимину вспоминалась древняя аптекарская сентенция:

«Яд всегда есть лекарство, всё дело в дозе».

Если начальная фронтальная версия препарата на основе вытяжки из слюнных желез и самой слюны вообще не давала никаких побочных эффектов, то добавление экстракта, приготовленного из субстанции вилочковой железы пресмыкающихся и некоторых типов земноводных, приводило к негативным эффектам, а иногда и к смерти, как это случилось с больным в Анске, куда Вилор и ездил в командировку.

...Его размышления наконец нарушил зуммер звонка, и голос Звягина рокотнул:

– Пусть Зимин зайдёт.

Вилор встал и пошёл к директорской двери.

– Ну что у тебя там, в Анске то? Помер наш болезный? – Звягин был человек уже довольно пожилой, далеко за пятьдесят, полноватый, низкорослый, зато ещё с чёрной бородкой и маленькими островатыми глазками.

Первый заместитель Шефа Громов был ещё старше, никто в Конторе не знал его возраста, худой, длинный как жердь, а на вид также около пятидесяти лет.

Однако по Конторе летали слухи-мнения, что ему чуть ли не все восемьдесят, и что он работал у самого Бадкаева, служившего придворным лекарем-консультантом царской семьи. Ходили также слухи, что этот Бадкаев тогда совмещал лечение царя со службой в японской контрразведке и работал тем самым на разрушение Империи. Впрочем, это уже совсем другая история других авторов...

Также Громову приписывали и дружбу с Барченко, организовавшему несколько экспедиций в целях поисков древних цивилизаций Русского Севера и назначения Кольских Пирамид, но, как и многие из тех, кто «слишком много знал», впавшего в опалу и расстрелянного за то перед началом последней войны.

В общем, Громов был самой колоритной фигурой Конторы, человеком-легендой. Сам Шеф предпочитал с ним обращаться предупредительно и даже чуть заискивающе.

– Увы, Михаил Герасимович, болезнь прогрессировала и рак был неостановим, таково и официальное заключение патологоанатома после вскрытия.

– Ну, а твоё, «неофициальное», передоза или или наоборот? Ты убеждён, что местный врач действовал строго по инструкции?

– Он уверяет, что да, давал больному препарат согласно предписанию в инструкции. По три кубика два раза в день. Я думаю, что препарат при таком критическом состоянии больного был дан в малых количествах. Этот случай неординарный, у больного были поражены практически все внутренние органы развитыми метастазами. Доза для него явно была мала.

– Да уж, ясно, к каждому пациенту тебя ж не привяжешь, Вилор, просто пересмотри инструкции и дозы применения, в зависимости от диагноза и состояния пациента в текущем моменте, – это уже Громов вступил в разговор..

– Мы его и не собираемся привязывать, – усмехнулся Шеф,

– а побережём для, – тут Звягин артистично закатил глаза и поднял голову вверх, что все присутствующие сразу поняли, кого Звягин имел в виду, – самого большого Хозяина.

Он на мгновение смолк, а затем добавил свой личный вклад в тогдашнюю патетику патриотизма:

– Пока Он жив, и правит нашим народом, вся страна и мы все будем только процветать...

Громов и Зимин деликатно промолчали в ответ на эту тираду начальника, после которой он вновь перешёл ближе к теме:

– Ну а как у нас дела с радоцитом, этой твоей пилюлей бессмертия?

– Теоретические выкладки все подготовлены, Михаил Герасимович, создано несколько составляющих компонентов, но до практики внедрения ещё далеко. Гормоны, содержащие молодые ДНК, должны быть живыми, а не засушенными, из железы выделять мы научились, но как надолго сохранить?

– Да, должен быть подготовлен живой белковый материал, а не суррогаты такового. И не только от ящериц и черепах.

К важному больному клиенту хирург и его средство должны прибыть лично, – безалаберционно заявил Звягин, поглядев на Зимина в упор.

Под «важными больными», директор института, полагал очевидно кремлёвских сидельцев и их ближнюю обслугу, намеревающихся ухитриться пережить главного вождя, если не при помощи естественных средств, то хотя бы при помощи какой-нибудь завалящей выдумки, типа алхимии.

– Надо заказать нашей промышленности специальные мини холодильники, типа переносных контейнеров, и хранить препараты там при транспортировке, – заметил уже Громов, – сейчас как раз основная проблема имеется в отсутствии таких мини камер с температурой ниже 40 градусов. Это принципиально важно для разработок Зимина, но и не только его.

Я уже дал распоряжение о выработке технических условий для изготовления этих контейнеров и наши люди после их утверждения свяжутся с возможными производителями. Хотя найти такого производителя будет непросто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.